

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ИДЕИ И ЛЮДИ

ТОМ
I
XVIII-XIX
века

Коллектив авторов

**Российский либерализм:
Идеи и люди. В 2-х томах.
Том 1: XVIII–XIX века**

«Новое издательство»

2018

УДК 329.12(47)

ББК 66.1(2)

Коллектив авторов

Российский либерализм: Идеи и люди. В 2-х томах. Том 1: XVIII–XIX века / Коллектив авторов — «Новое издательство», 2018

ISBN 978-5-98379-219-7

Книга представляет собой галерею портретов русских либеральных мыслителей и политиков XVIII–XIX столетий, созданную усилиями ведущих исследователей российской политической мысли. Среди героев книги присутствуют люди разных профессий, культурных и политических пристрастий, иногда остро полемизировавшие друг с другом. Однако предмет их спора состоял в том, чтобы наметить наиболее органичные для России пути достижения единой либеральной цели – обретения «русской свободы», понимаемой в первую очередь как позитивная, творческая свобода личности.

УДК 329.12(47)

ББК 66.1(2)

ISBN 978-5-98379-219-7

© Коллектив авторов, 2018

© Новое издательство, 2018

Содержание

Предисловие	6
«В России кто может – грабит; кто не может – крадет!»	8
«Душевного почтения достоин тот, кто в чинах – не по деньгам, а в знати – не по чинам...»	15
«Все истинно полезное укореняется прочнее, когда его принимает сам народ, а не тогда, когда его вводят путем приказания...»	21
«Лучше не иметь иных законов, нежели, имея, не исполнять...»	26
«Худой человек всегда бывает и худой гражданин...»	33
«Не под царем, а рядом с ним...»	42
«Кто исполнил долг свой... того несправедливость людская возмутить не может...»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Российский либерализм. Идеи и люди.
В 2-х томах. Том 1: XVIII–XIX века
Под общей редакцией
доктора философских наук,
профессора А.А. Кара-Мурзы**

Книга издана при поддержке «Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив»

Предисловие

Перед читателем – третье, значительно расширенное издание книги «Российский либерализм: идеи и люди», подготовленное фондом «Либеральная миссия» в партнерстве с «Новым издательством». Первое ее издание вышло в 2004 году и включало 46 «интеллектуальных портретов» русских либералов XIX–XX веков: от графа М.М. Сперанского до академика А.Д. Сахарова¹. Книга имела успех у читателей: в 2007-м, в год 90-летия Февральской революции, вышло второе, расширенное издание, которое включило в себя уже 96 имен и открывалось либералами «екатерининской эпохи»: гр. Н.И. Паниным, Н.И. Новиковым, гр. А.Р. Воронцовым².

За прошедшие с тех пор десять лет профессиональный и общественный интерес к отечественной либеральной традиции существенно вырос. Результатом этого стал выход ряда изданий, среди которых выделяется прежде всего фундаментальная энциклопедия «Российский либерализм конца XVIII – начала XX вв.»³. Тексты выдающихся русских либеральных мыслителей широко представлены и в других крупнейших издательских проектах последних лет: «Библиотеке отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века» (рук. проекта А.Б. Усманов) и серии «Философия России первой половины XX века» (гл. ред. Б.И. Пружинин). Надо добавить, что в ряде регионов России вышли свои издания об истории местной либеральной традиции: в Ярославле, Липецке, Рязани, Владимире, Смоленске, Орле, Красноярске и т. д.⁴

К настоящему времени усилиями главным образом фонда «Русское либеральное наследие» почти в 40 регионах России установлены мемориальные знаки выдающимся российским либералам: в Ярославле – кн. Д.И. Шаховскому, кн. С.Д. Урусову, К.Ф. Некрасову; во Владимире – гр. М.М. Сперанскому, кн. Петру Д. Долгорукому, Ф.Ф. Кокошкину, К.К. Черносвитову; в Смоленске – Н.А. Хомякову; в Перми – В.В. Вейдле; в Вязьме – А.С. Посникову; в Ельце – М.А. и А.А. Стаховичам; в Москве – Б.Н. Чичерину, И.С. Аксакову; в Серпухове – Н.Н. Хмелеву; в Воронеже и Усмани – А.И. Шингареву; в Калуге – Б.К. Зайцеву, кн. С.Д. Урусову; в Саратове – Г.П. Федотову и Н.Н. Львову; в Костроме – В.С. Соколову; в Чаплыгине (бывшем Раненбурге) – кн. Н.С. Волконскому; в Иркутске – А.А. Корнилову, Н.А. Белоголовому; в Енисейске – С.В. Востротину; в Якутске – В.В. Никифорову-Кулумнууру; в Рузе – кн. Павлу Д. Долгорукову; в Брянске – кн. В.Н. и М.К. Тенишевым; в Волоколамске – Д.Н. Шипову; в Землянске (Воронежская область) – П.Я. Ростовцеву, в с. Гулынки (Рязанская область) – А.В. Головинину; в с. Опарино (Московская область) – И.П. Алексинскому; в с. Глубокое (Псковская область) – гр. П.А. Гейдену; в с. Дубасово (Владимирская область) – М.Г. Комиссарову и т. д. Разумеется, осуществить подобный мемориальный проект можно было лишь на основе большой исследовательской работы, в том числе в местных архивах.

За несколько прошедших лет проведены международные и всероссийские конференции, посвященные М.М. Сперанскому, Н.М. Карамзину, Н.В. Станкевичу, Т.Н. Грановскому, А.А. Краевскому, А.И. Герцену, И.С. Аксакову, М.М. Стасюлевичу, В.О. Ключевскому, М.А. Ста-

---

¹ Российский либерализм: Идеи и люди / Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2004. 616 с.

² Российский либерализм: Идеи и люди / Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. 2-е изд. М.: Новое издательство, 2007. 904 с.

³ Российский либерализм конца XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия / Общ. ред. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2010. 1087 с.

⁴ Из истории либерализма на Ярославской земле / Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Ярославль, 2007; Первые либералы Липецкой земли / Общ. ред. О.Д. Дячкина и А.А. Кара-Мурзы. М.: Липецк, 2007; Из истории либерализма на Рязанской земле / Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Рязань, 2007; Из истории либерализма на Владимирской земле / Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Владимир, 2007; Из истории либерализма на Смоленской земле / Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Смоленск, 2007; Орловские либералы. Люди, события, эпоха / Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. Орел, 2010; *Кара-Мурза А.Л.* Из истории либерализма в Красноярском крае: В.А. Караулов и С.В. Востротин. М.: Красноярск, 2007.

ховичу, С.В. Паниной, П.Б. Струве, А.В. Тырковой, Б.К. Зайцеву, Ф.А. Степуну, В.В. Вейдле. Делегации российских либералов побывали в исторических местах за рубежом, связанных с историей отечественного либерализма: в русском некрополе Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем (где упокоились многие герои этой книги: Г.Е. Львов, А.И. Коновалов, М.А. Стахович, П.Б. Струве, В.А. Маклаков, Б.К. Зайцев, В.В. Вейдле), на могилах Н.А. Хомякова в Дубровнике (Хорватия), М.В. Родзянко в Белграде (Сербия), И.П. Алексинского в Касабланке (Марокко). Делегация фонда «Русское либеральное наследие» побывала в городке Нови-Лигуре под Генуей (Италия), где в 1840 году скончался Н.В. Станкевич, и т. д.

Новое, третье издание книги «Российский либерализм: идеи и люди» осуществлено фондом «Либеральная миссия» в двух томах (том первый – «XVIII–XIX века»; том второй – «XX век») и представляет теперь 130 имен крупнейших российских либералов прошлого. Расширяя проект, инициаторы имели в виду несколько принципиальных обстоятельств.

В новом издании значительно шире представлен *период генезиса отечественного либерализма* в годы правления Екатерины II и Александра I. В книге теперь дополнительно представлены очерки о крупнейших либеральных деятелях конца XVIII – начала XIX столетия: Д.И. Фонвизине, Д.А. Голицыне, С.Е. Десницком, Е.Р. Дашковой, П.В. Завадовском, В.П. Кочубее, П.А. Строганове, Д.А. Гурьеве, Н.С. Мордвинове.

В новый двухтомник вошли также очерки о *выдающихся деятелях отечественной культуры и науки*, чья жизнь (по крайней мере, крупные периоды жизни), а также многие принципиальные сочинения были теснейшим образом связаны с развитием отечественной либеральной традиции: Н.М. Карамзин, Н.В. Станкевич, И.С. Тургенев, С.Н. Трубецкой, М.И. Ростовцев, Б.К. Зайцев.

Значительно расширено в новом издании и представительство той части российских либералов, которые связали свои имена с деятельностью крупнейших *либеральных партий* начала XX века (Н.Н. Кутлер, Ф.А. Головин, А.М. Колубакин, А.С. Изгоев, М.Г. Комиссаров). При этом дополнительный упор составителями и авторами двухтомника сделан на мало изученном пока направлении отечественной либеральной традиции, которое можно определить как «либеральный центризм» (очерки об А.Н. Попове, К.К. Арсеньеве, А.И. Чупрове, И.И. Иванюкове, В.Ю. Скалоне, В.М. Голицыне, В.Д. Кузьмине-Караваеве, И.Н. Ефремове, А.М. Рыкачеве и др.).

Несомненно, интересуют читателей и «интеллектуальные биографии» таких ярких и противоречивых фигур русского XX века, как И.П. Алексинский и С.О. Португейс. Двухтомник заканчивается очерком о выдающемся российском интеллектуале новейшего времени, нашем современнике, блестящем ученом-социологе Юрии Александровиче Леваде.

Работа по изучению национального либерального наследия будет продолжена. Фонд «Либеральная миссия», в течение многих лет находящийся на переднем крае этой работы, рассчитывает на привлечение новых сторонников и новых авторов.

Алексей Кара-Мурза
доктор философских наук, профессор,
член Совета фонда «Либеральная миссия»

«В России кто может – грабит; кто не может – крадет!»

Никита Иванович Панин

Нина Минаева

Никита Иванович Панин родился 18 сентября 1718 года в Данциге. Его отец, генерал-поручик, служил там в комиссариате, снабжавшем русскую армию. После окончания Северной войны он был переведен в городок Пернов Ревельской губернии, где и прошли детские годы Никиты.

Никите Ивановичу удалось подняться выше всех в роду, хотя фамилия Паниных уходит своими корнями в глубокую старину. В 1580 году, в год рождения великого князя Ивана Васильевича, будущего царя Ивана Грозного, предок Никиты Ивановича – Василий Панин был убит в неудачном Казанском походе. Однако не только при Рюриковичах, но и при Романовых Панины не затерялись. При Михаиле Федоровиче, в 1626 году, другой предок – Никита Федорович – значился в числе дворян, пожалованных прибавкою оклада. На Земских соборах царя Алексея Михайловича звучал голос думского дворянина Панина, по отцу – Никитича.

При дворе Федора Алексеевича знатный дворянин Василий Васильевич Панин, комнатный стольник, участвовал в решении важных дел. И хотя он был близок к Милославским – врагам будущего царя Петра Алексеевича, это не помешало ему отдать своих сыновей на службу молодому государю. Немалые дипломатические способности пришлось применить тогда любящему отцу. Это умение приспособиться к обстоятельствам и одновременно быть на виду, постоять за себя стало родовой чертой Паниных. В походах Петра Великого уже числились генерал-поручик Иван Васильевич Панин и генерал-майор Андрей Васильевич Панин – сыновья ловкого и дальновидного Василия Васильевича.

Отец Никиты Ивановича Панина – Иван Васильевич – пережил опалу при Петре II и снова вошел в фавор при Анне Иоанновне, стал сенатором. Мать, Аграфена Васильевна, урожденная Эверкалова, была племянницей А.Д. Меншикова. Никита – старший сын в семье; далее следовал Петр, продвинувшийся на военном поприще. Одну из сестер Паниных, Александру Ивановну, выдали за князя Александра Борисовича Куракина, масона и блестящего светского щеголя, личного друга Павла Петровича, вместе с которым он воспитывался и часто совершал заграничные путешествия. Другая сестра, Анна Ивановна, была выгодно выдана замуж за Ивана Ивановича Неплюева, русского посланника в Константинополе, большого знатока Востока и восточной политики. Он прославился также строительством крепостей, позже стал сенатором и начальником Оренбургского края.

Никита Панин начал военную службу при Анне Иоанновне вахмистром конной гвардии, а потом корнетом. При Елизавете Петровне его карьера быстро пошла вверх. Он рано почувствовал вкус к интригам и тайным козням придворного мира и стал опасным соперником А.Г. Разумовскому и И.И. Шувалову. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин поспешил отправить его подальше из столицы – так Никита Панин получил пост русского посланника в Дании.

В Копенгаген он отправился в 1747 году и по дороге, в Берлине, был представлен Фридриху II. Молодой прусский король произвел на него сильное впечатление своим пониманием европейской политики: уже тогда у Панина зародилась мысль о возможном союзе северных европейских государств. В Гамбурге он получил известие о присвоении ему придворного звания камергера и отличительного знака – ключа на голубой ленте, так что в столицу Дании Никита Иванович прибыл вполне представительным дипломатом. Здесь он стал свидетелем открытия датского парламента в Кристианборге, а затем, не успев привыкнуть к европейской жизни и царящим здесь политическим порядкам, в 1748 году был переведен в том же ранге

в Швецию. С этой страной императрица Елизавета Петровна вела оживленную дипломатическую переписку. Стокгольм, где Панин провел следующие двенадцать лет, оказал на него большое влияние. Благодаря своей общительности, проницательности и ироническому уму он был радушно принят королевским окружением, стал вхож в королевский дворец, посещал светские рауты, свел знакомство с дипломатами и высшим обществом. Там же, в Стокгольме, его приняли в одну из влиятельных масонских лож.

Масонство проникло в Швецию в 1730-х годах. К моменту прибытия Панина оно достигло такого влияния, что вскоре, в 1753 году, главным мастером был избран сам король Адольф Фридрих. Нигде в Европе масонство не пользовалось столь сильным покровительством царствующего дома; шведская система оказала весьма ощутимое воздействие на соседние страны. К этому времени в России масонство было давно известно. Источники хранят свидетельства о первой ложе, основанной Петром I или его другом Ф. Лефортом в 1698 году. В начале XVIII века здесь уже действовал основатель масонской ложи генерал Джеймс Кейт, брат лорд-маршала Шотландии Джорджа Кейта. На допросе в тайной канцелярии графа Николая Головина в 1747 году выяснилось, что он состоит в масонской ложе, а кроме него масонские взгляды разделяют братья Иван и Захар Чернышевы.

Постепенно европейские масоны развили структуру и порядки вольных каменщиков до целостного общественного учреждения, а «лекции» средневекового цеха стали переливаться в «конституции». Вполне вероятно, что подобную «конституцию» принимал при вступлении в масонскую ложу и Никита Панин. Он, по-видимому, был знаком и с главной книгой масонов – знаменитой «Книгой конституций» Дж. Андерсона, датированной 1723 годом. Она вобрала в себя «лекции» и «уставы» немецких вольных каменщиков, увидевшие свет еще в 1459 году, а также другие масонские документы XV–XVI веков.

Столь незаурядная личность, как Н.И. Панин, рано или поздно должна была быть востребована в своем отечестве. И такой момент настал: в 1759 году Никита Иванович был отозван в Россию, а в 1760-м по повелению Елизаветы Петровны назначен воспитателем малолетнего Павла Петровича. К моменту возвращения в Россию у Панина, судя по всему, уже сложился план конституционных преобразований абсолютной монархии в России по шведскому образцу. Казалось, обстановка в стране давала ему шанс.

Вскоре после вступления на престол Петра III (1761) бывший фаворит покойной императрицы И.И. Шувалов начал тайные переговоры с Паниным об отстранении императора и о передаче власти великому князю Павлу Петровичу при регентстве его матери, великой княгини Екатерины Алексеевны. В то время сама Екатерина соглашалась на такое развитие событий. Она признавалась датскому посланнику в Петербурге барону Остену: «Предпочитаю быть матерью императора, а не супругой!»

В результате переворота 28 июня 1762 года победила партия Орловых, которая поддерживала Екатерину Алексеевну именно как абсолютную монархиню, облеченную неограниченной властью. Однако помощь, оказанная в перевороте Паниным и его сторонниками-реформаторами, тоже не осталась без вознаграждения. В Манифест о воцарении Екатерины, по настоянию Панина, было включено положение об «узаконении особых государственных установлений», фактически являвшееся обещанием императрицы ввести в России «твердые законы», т. е. «Конституцию».

Автором подготовленной «Конституции» выступил сам Никита Иванович, а ее идея могла быть навеяна масонскими конституциями, т. е. сводами правил вольных каменщиков. И тайна, которой окутан первый панинский проект, объясняется, возможно, масонской принадлежностью русского вельможи. Достоверно известно, однако, что в основу его легли принципы государственного устройства шведского королевства, где власть монарха какое-то время была ограничена представительным риксдагом.

В 1762 году Никита Панин представил Екатерине свой политический проект. При монархе планировался Императорский совет из шести – восьми советников. При Совете предполагалось иметь четырех статс-секретарей или министров для наблюдения над четырьмя департаментами: иностранных дел, внутренних дел, военного и морского. Тогда же автор информировал императрицу о круге лиц, разделявших его позицию. Среди них был елизаветинский канцлер Бестужев-Рюмин, в 1762 году первоприсутствующий в Сенате. Кроме него, в «партию Панина» входили князь Я.П. Шаховской, граф М.И. Воронцов, генерал Н.В. Репнин (племянник братьев Паниных), Е.Р. Дашкова, граф А.Г. Разумовский. В декабре 1762 года императрица, казалось, решила пойти на уступки и скрепить проект своей печатью. Однако во время бурного объяснения с Никитой Ивановичем о полноте ее власти она в гневе надорвала лист с уже готовой подписью и бросила в огонь список сторонников ограничения самодержавия.

Со временем Екатерина постаралась устранить всех единомышленников Панина. Но самого автора проекта, которого она и ценила, и побаивалась, не тронула. Вступив на престол, императрица назначила своего сына Павла Петровича законным наследником и продолжала воспитывать его как цесаревича, как это было еще при Елизавете Петровне. Она считала своим долгом дать наследнику первоклассное европейское образование, для этого требовались опытные воспитатели. Одно время стать наставником русского цесаревича предлагали Ж.Л. Д'Аламберу. Французский просветитель ознакомился с манифестом о воцарении Екатерины II, в котором смерть Петра III приписывалась «геморроидальному припадку», и – отказался от почетного поручения, сославшись на то, что страдает тем же недугом. Его примеру последовали Дидро, Мормонтель и Сорент. Пришлось довольствоваться русскими воспитателями, из которых Панин был, несомненно, самым просвещенным.

После неудачной попытки 1762 года создать при Екатерине Императорский совет Никита Иванович сосредоточился на воспитании ее сына в европейском духе, как монарха, который бы советовался с представительным органом власти. В то время главным авторитетом для Панина был прусский король Фридрих II – именно с ним, участником первого раздела Речи Посполитой, они обсуждали когда-то план политического устройства Польши с Постоянным советом при короле.

В основу разработанного плана воспитания будущего монарха были положены принципы, заимствованные в Швеции. Предусматривались экзамены по главным дисциплинам (иногда в присутствии императрицы): истории, географии, математике и другим наукам. Воспитатель приказал перенести свою кровать в опочивальню подопечного и зорко следил за его самостоятельными занятиями. В этом отношении весьма интересны «Записки» С.А. Порошина – первого учителя Павла, человека простодушного и непосредственного, которого Никита Иванович отеснил, как и всех прочих, кто стремился влиять на душу цесаревича. Автор «Записок» свидетельствует, что Панин оставался главным воспитателем Павла Петровича вплоть до его совершеннолетия. Получив звание гофмейстера двора Ее Императорского Величества, он беззастенчиво ограничил сферу деятельности других учителей. «Тебе, – обращался он к Порошину, – военные науки, русская история и география Отечества... Не стеснялся граф указывать и другим учителям их скромное место: Андрею Андреевичу Грекову, немцу Францу Ивановичу Эпинусу, тайному советнику Остервальду, французам Гранже и Теду». Все помыслы Панина были связаны с Европой, с приобщением России к европейскому миру; во имя этого он, по словам Порошина, прибегал «к хитростям и интригам».

Английский посланник в Петербурге сэр Гаррис вспоминал: «Сэр Панин – добрая душа, огромное тщеславие и необыкновенная неподвижность, – вот три его отличительные черты». А французский посланник в Петербурге М.Д. де Корберон так характеризовал его: «Величавый по манере держаться, ласковый, честный против иностранцев, которых очаровывал при первом знакомстве, он не знал слова „нет“, но исполнение редко следовало за его обещаниями,

и если, по-видимому, сопротивление с его стороны – редкость, то и надежды, возлагаемые на его обещания, ничтожны. В характере его замечалась тонкость, но это вовсе не та обдуманная и странная тонкость Мазарини, которую скорее можно назвать двоедушием. Тонкость Панина более мелочна, соединенная с тысячью приятных особенностей, она заставляет говорящего с ним о делах забывать, она обволакивает собеседника, и он уже в плену обаяния графа, он забывает, что находится перед первым министром государыни; она, эта тонкость, может также заставить потерять из виду предмет дипломатической миссии и осторожность, которую следует соблюдать в этом увлекательном разговоре».

Суждения о личности Никиты Ивановича, истинного сына своего века, сохранились также в мемуарах одного из осведомленных и образованных его современников – Ф.Н. Головина, собеседника Вольтера и французских королей. Он утверждал, что Панин обладал большими достоинствами и «его отличала какая-то благородность в обращении, во всех его поступках... внимательность, так что его нельзя было не любить и не почитать: он как будто к себе притягивал. Я в жизни моей видел мало вельмож, столь по наружности приятных. Природа его одарила сановитостью и всем, что составить может прекрасного мужчину. Все его подчиненные его боготворили».

Желая показать императрице свое усердие, главный воспитатель придумал игру, которая должна была удерживать великого князя от шалостей и дурных поступков. Он начал выпускать особые «Ведомости», где в отделе «Из Петербурга» упоминались все проступки Павла Петровича. Панин заверял, что о них будет знать вся аристократия Европы, так как «Ведомости» рассылаются по разным странам.

Сильное влияние гофмейстера на наследника не могло не беспокоить императрицу. Чтобы несколько уменьшить эту опасность, она через год после воцарения назначает его также главой департамента иностранных дел, и в самом деле полагая, что он, благодаря своим европейским связям, наиболее подходит для этой должности.

В 1767 году Екатерина привлекла Никиту Панина к работе Уложенной комиссии (1767–1769), которая была создана ею как бы в осуществление обещанных в Манифесте твердых «государственных установлений». Этот временный коллегиальный высословный орган предусматривал разработку и обсуждение важнейших законов. Он оказался малоэффективен, но работали в нем многие талантливые люди, в том числе Д.И. Фонвизин, в то время уже известный писатель. Там и состоялось его первое знакомство с Паниным. А в 1769 году Никита Иванович пригласил Фонвизина в департамент иностранных дел. С тех пор их сотрудничество, как по службе в департаменте, так и в качестве соавторов и единомышленников в разработке основных положений «конституции», стало постоянным. К тому же оба принадлежали к масонству, которое в 1760-е годы продолжало влиять на общественную жизнь русской аристократической верхушки.

Росту политического влияния Никиты Панина весьма способствовали обстоятельства подавления восстания Пугачева. 9 апреля 1774 года скончался генерал-аншеф А.И. Бибиков, руководивший всей кампанией. Пугачев набирал силу, была захвачена Казань, разорен Саратов. Требовалось срочно назначить нового опытного командующего карательной армией. Тогда-то ловкий Никита Иванович и напомнил императрице о своем брате – генерале Петре Панине, который пребывал в опале и жил в Москве. После героической баталии и взятия турецкой крепости Бендеры (27 ноября 1770 года) Петра Ивановича наградили орденом Святого Георгия и отстранили от дел. Его оппозиционные настроения были известны императрице. По свидетельству М. Пассек, именно Петр Панин стал инициатором московского восстания («чумного бунта») 15 сентября 1771 года, за что и поплатился. Но теперь, в трудный момент, Екатерина II закрыла на это глаза. А.С. Пушкин, изучая историю Пугачевского бунта, замечал: «В сие время вельможа, удаленный от двора и... бывший в немилости, граф Петр Иванович

Панин сам вызвался принять на себя подвиг, недовершенный его предшественником. Екатерина с признательностью увидела усердие благородного своего подданного».

29 июля 1774 года был подписан рескрипт Военной коллегии, объявляющий Петра Панина командующим войсками, направленными против Пугачева. Однако, зная о политических амбициях братьев и не чувствуя себя уверенно, Екатерина одновременно призвала на помощь князя Г.А. Потемкина: она рассчитывала, что именно он первым известит ее о поимке Пугачева. И все-таки генералу Панину удалось послать курьера раньше. Весть об этом облетела всю Россию, и общественное мнение сложилось в пользу Паниных. Правда, спустя некоторое время Петр Иванович, пожалованный за поимку Пугачева должностью «владельца» Оренбургского края, мечом, алмазами украшенным, орденом Святого Андрея Первозванного и 6 тысячами рублей серебром, вновь оказался в опале.

Недоверие Екатерины к братьям Паниным возрастало по мере приближения совершеннолетия цесаревича, связанного с вопросом о его бракосочетании. Мать заблаговременно стала подбирать сыну невесту. Она повела переговоры с ландграфиней Гессен-Дармштадтской насчет смотра трех ее дочерей. Выбор пал на Вильямину, образованную молодую принцессу, жаждущую известности. В эти переговоры вмешался Никита Панин, в чем и был уличен.

Озлобление сановников и усилившаяся настороженность самой императрицы совпали с новым витком работы Никиты Панина над конституционным проектом. Торопясь провести свой проект в жизнь, он инспирировал заговор против Екатерины. В эти планы Андрей Разумовский посвятил Вильямину – прямо на борту корабля, на котором принцесса плыла в Россию.

Брак великого князя Павла Петровича и крещенной в православную веру принцессы Вильяminy (Наталии Алексеевны) оказался несчастливym. Вскоре молодая супруга умерла, то ли в результате происков Екатерины, то ли по другим причинам. Впавший в отчаяние Павел раскрыл матери замыслы заговорщиков. Императрица вынудила архиепископа, принимавшего исповедь умирающей, перечислить имена участников заговора. Среди них был назван и Никита Панин. С этого момента его отстранили от должности гофмейстера и воспитателя цесаревича. По своему обычаю императрица сопровождала отставку щедрыми дарами. Но огорчению Панина не было предела: его отлучили от его основного замысла. С досады он роздал часть царских подарков своим секретарям, в том числе Фонвизину – 4 тысячи крепостных крестьян.

Сведения о заговоре 1773–1774 годов скупы. Лишь спустя много лет о нем рассказал племянник Дениса Фонвизина Михаил Александрович Фонвизин, декабрист, участник Союза благоденствия. В своих написанных уже в ссылке воспоминаниях он приводит рассказы отца, очевидца тех событий. Михаил Александрович утверждал: когда великий князь Павел достиг совершеннолетия и женился на Наталии Алексеевне, граф Никита Панин, его брат Петр, княгиня Дашкова, князь Н.В. Репнин, митрополит Гавриил и несколько гвардейских офицеров составили заговор с целью свергнуть Екатерину и посадить на трон наследника, который должен был принять выработанную Паниным «Конституцию». Судя по всему, именно к этой редакции «Конституции» секретарь Панина Д.И. Фонвизин и написал пространное введение – «Рассуждение о неперемennых государственных законах». В основу его был положен первый панинский проект «конституции» 1762 года. Полностью проект не сохранился: его сожгли во время налета полиции, преследующей масонов в доме другого брата Д. Фонвизина – Павла Ивановича, директора Московского университета. Удалось спасти лишь введение, которое незаметно вынес младший брат Фонвизина – Александр Иванович. Он и сохранил его в своей библиотеке, где позднее с ним познакомились его сыновья-декабристы.

Сохранившаяся часть «проекта Панина – Фонвизина» 1773–1774 годов получила в литературе широкую известность. С нее была снята копия, активно распространявшаяся в обществе. Введение начинается с заявления: «Верховная власть вверяется государю для единого

блага его подданных». Далее идет рассуждение в духе идей Просвещения в тесной связи с патримонильным правом: «Государь, подобие Бога на земле... не может равным образом ознаменовывать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как поставя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам». Просветительский принцип главенства закона явственно проявляется в следующем положении: «Без сих правил... без непреложных государственных законов, непрочны ни состояние государства, ни состояние государя».

Было бы заблуждением считать, что «конституция Панина – Фонвизина» полностью оторвана от реальной жизни. Специальный раздел «О злоупотреблениях произвола власти» посвящен порокам общества и государства в России. Примечательно, что именно здесь приведена излюбленная поговорка Никиты Панина: «В России кто может – грабит, кто не может – крадет!» Новый проект исходил из постулата (появившегося лишь в редакции 1773–1774 годов) об определяющей роли дворянского сословия как главной опоры государства. Императорский совет, в раннем варианте состоящий из восьми аристократов, заменялся теперь Верховным сенатом. Часть несменяемых членов его назначалась «от короны», а другая избиралась «от дворянства» дворянскими собраниями в губерниях и уездах. Сенату же передавалась полнота законодательной власти, императору предоставлялась исполнительная власть и право утверждения законов, принятых Сенатом. Спустя полвека Александр I, занимаясь правкой Государственной уставной грамоты 1818–1820 годов, остановил свое внимание именно на том параграфе, где речь шла о компетенции законодательной власти, и оставил ремарку: «Избиратели могут, таким образом, назначать сами кого вздумается: Панина, например!»

Вторая половина 1770-х ознаменовалась в России новым оживлением масонского движения, которое также пропагандировало конституционную политическую идею. На собрании «Ложы Немезиды» в сентябре 1776 года «ложы Рейхеля» слилась с ложами патриарха русского масонства (по английскому обряду) И.П. Елагина. Были определены общие обряды и «акты трех степеней»; великим мастером был избран Елагин, наместным мастером – Никита Панин. Через несколько дней, 30 сентября, князь А.Б. Куракин отправился в Стокгольм, чтобы сообщить королю Швеции о втором браке наследника русского престола Павла Петровича. Куракин вернулся, облеченный особыми масонскими полномочиями, и привез специальную масонскую литературу. Среди книг, которые читал в эти годы Н.И. Панин, обращает на себя внимание сочинение Л.-К. Сен-Мартена «О заблуждениях и истине», вышедшее в 1775 году. Известно, что именно Никита Панин познакомил с этой книгой цесаревича и его новую супругу Марию Федоровну.

Между тем утвердившаяся у власти императрица Екатерина Великая противопоставила панинскому пониманию роли монарха собственное толкование. Осуждая крайние проявления деспотии, она в то же время полагала «неудивительным», что «в России было среди государей много тиранов»: «Народ от природы беспокоен и полон доносчиков и людей, которые под предлогом усердия ищут лишь, как бы обратить в свою пользу все для них подходящее; надо быть хорошо воспитану и очень просвещену, чтобы отличить истинное усердие от ложного, отличить намерение от слов и эти последние от дел. Человек, не имеющий воспитания, в подобном случае будет или слабым, или тираном по мере его ума; лишь воспитание и знание людей может указать настоящую середину».

Самовластие, облеченное в просвещенные формы, – вот идеал русской власти. В этом своем убеждении Екатерина следовала принципам Фридриха II Великого, который ей покровительствовал, когда она была еще бедной немецкой принцессой Софией-Фредерикой-Августой. От Фридриха восприняла русская императрица и принципы общения с людьми: «Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не веряйтесь им без разбора; отыскивайте истинное достоинство, хоть оно было на краю света: по большей части оно скромно и прячется где-то в отдалении... Доблесть не лезет из толпы, не жадничает, не суетится и позволяет забывать о

себе. Никогда не позволяйте льстецам осаждать вас: давайте почувствовать, что вы не любите ни похвал, ни низостей. Оказывайте доверие лишь тем, кто имеет мужество при случае вам поперечить и кто предпочитает ваше доброе имя вашей милости. Выслушивайте все, что хоть сколько-нибудь заслуживает внимания; пусть видят, что вы мыслите и чувствуете так, как вы должны мыслить и чувствовать. Поступайте так, чтобы люди добрые вас любили, злые боялись и все уважали. Храните в себе те великие душевные качества, которые составляют отличительную принадлежность человека честного, человека великого и героя».

Итак, между екатерининским представлением о государственной власти и панинскими замыслами преобразования России пролегла глубокая пропасть. Политика «просвещенного абсолютизма» принципиально противоречила идее Никиты Панина о создании «конституционного государства», опирающегося на закон, право и «фундаментальное законодательство».

Последняя, третья редакция «Конституции» Панина относится к 1783 году – году его кончины. Свидетельством ее существования являются две записки, написанные рукой великого князя Павла Петровича после последнего его свидания с бывшим воспитателем. «Рассуждение вечера 28 марта 1783 года» содержит текст Конституции, продиктованный умирающим Паниным своему воспитаннику. Записка открывается положением о главной функции государства, обязанного обеспечить безопасность своим подданным. Далее следует положение о разделении властей: законодательная власть отделена от власти, законы хранящей, и исполнительной. Законодательная власть сохраняется за государем, но «с согласия государства». Власть, законы хранящая, – «в руках всей нации», исполнительная – «под государем». Здесь повторяется мысль о роли дворянства, которое должно активно участвовать в государственном управлении через Сенат и министерства.

Вторая записка посвящена министерской структуре и утверждению нового закона о престолонаследии с «предпочтением мужской персоны». Этой запиской Панин убеждал Павла Петровича в его законных правах на российский престол.

После убийства императора Павла его сын Александр I обнаружил секретный ящик с «важными документами». Историк М.И. Семецкий писал по этому поводу: «Все бумаги Павла Петровича после его насильственной смерти перепуганный сын его, ставший императором Александром I, поручил разобрать другу Павла Петровича князю Александру Борисовичу Куракину». Сам молодой царь обнаружил «собственную шкатулку отца, наткнувшись на потайной ящик письменного бюро». Куракин собственноручно скопировал эти документы и «озаботился оставлением у себя одной копии».

Известно, что долгое время секретарем при А.Б. Куракине работал молодой М.М. Сперанский, который, судя по всему, подробно ознакомился с «бумагами Павла Петровича». Возможно, именно оттуда, из найденных им конституционных проектов Никиты Панина, берут начало идеи Сперанского-реформатора.

В ночь с 30 на 31 марта 1783 года граф Никита Иванович Панин скоропостижно скончался. Говорили, что цесаревич Павел рыдал над телом покойного. О потере своего друга глубоко скорбел и Денис Фонвизин, сказавший тогда: «Всякий смертью Панина *Нечто* потерял!»

Нечто — это и есть та мечта Никиты Панина о твердых законах в России и об ограничении самовластья, за которую он боролся столько лет, сам не очень веря в быстрое осуществление своего замысла. Его излюбленная поговорка к концу жизни приобрела еще более горький оттенок. Теперь он повторял: «На Руси кто может, тот дерет; кто не может – тот берет; а кто работает – тот страдает!»

«Душевного почтения достоин тот, кто в чинах – не по деньгам, а в знати – не по чинам...»

Денис Иванович Фонвизин

Надежда Коршунова

Мало найдется образованных людей, которые не знают Дениса Фонвизина, автора «Бригадира» и «Недоросля». Писатель, «сатиры смелый властелин», как назвал его А.С. Пушкин, оставил свой след в истории не только бессмертными художественными произведениями: он был еще и мыслителем, очень внимательным наблюдателем окружающей его действительности, которую ярко и с юмором описывал.

Денис Иванович Фонвизин (или фон Визин, как писалась его фамилия при жизни), родился 3 апреля 1744 или 1745 года и происходил из лифляндского рыцарского рода, переселившегося в Москву в XVI веке и совершенно обрусевшего. Как писал один из первых биографов Д.И. Фонвизина П.А. Вяземский, «изыскания родословные не нужны в биографии литератора: дарование не майорат». Однако непривычная русскому слуху приставка «фон» повышает интерес к происхождению писателя и просветителя. Известно, что во время правления Ивана Грозного предок Фонвизина, рыцарь братства меченосцев «Петр барон Володимиров сын Фонвизин» был взят в плен и так и остался служить русскому царю. При Алексее Михайловиче внук барона принял православие с именем Афанасий, после чего был пожалован царем в стольники.

Д.И. Фонвизин родился в большой семье: у его родителей было восемь детей. Родители его были по тем временам людьми грамотными и просвещенными. Отец Фонвизина, Иван Андреевич, «человек большого здравого рассудка», как охарактеризовал его в последующем сын, прошел военную и гражданскую службу, вышел в отставку в чине статского советника. Мать, Екатерина Васильевна, урожденная Дмитриева-Мамонова, также происходившая из старинного боярского рода, была добродетельной и благоразумной хозяйкой. Семья не могла позволить себе пригласить в дом гувернеров, поэтому начальное образование Денис Фонвизин получил под руководством отца, выучившего его церковнославянскому языку. Именно отец, вероятнее всего, и стал прототипом фонвизинского Стародума. Иван Андреевич Фонвизин понимал, что одного домашнего образования, да еще без учителей-иностранцев, для хорошей карьеры сына мало, поэтому отправил его с братом учиться в только что открытую гимназию при основанном И.И. Шуваловым и М.В. Ломоносовым Московском университете, недалеко от которого располагался дом Фонвизиных.

С 1755 по 1760 год Денис Фонвизин учился в гимназии при Московском университете, затем в течение двух лет – на философском факультете университета. Уже в студенческие годы он начал печатать в московских журналах переводы басен Гольберта и свои первые литературные произведения.

В годы учения зародилась и его любовь к театру – во время поездки гимназистов в Петербург для представления куратору И.И. Шувалову Фонвизин был на одном спектакле, который произвел на него очень сильное впечатление. «Действия, произведенного во мне театром, – писал он, – почти описать невозможно: комедию, виденную мной, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров – великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие».

В 1762 году Д.И. Фонвизин окончил университет и был определен сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк. Время для начала карьеры было удачное: переворот в пользу Екатерины II, коронация. Однако военная служба сразу же не заладилась, и Фонвизин уже летом

(дело открыто 21 июля 1762 года) подал прошение о переводе в Коллегию иностранных дел переводчиком. К прошению были приложены образцы переводов с немецкого, французского и латинского языков. Впечатляет выбор переводов еще очень юного, начинающего писателя: с латыни 18-летний Фонвизин перевел «Речь за Марцелла» Цицерона, а с французского – «Политическое рассуждение о числе жителей у некоторых древних народов». Еще одной причиной, по которой на молодого сержанта гвардии Дениса Фонвизина обратили внимание, была его литературная деятельность. Так, переведенное им еще в студенчестве и опубликованное произведение Вольтера «Альзира» сделало его известным среди образованной элиты Москвы.

Канцлеру М.И. Воронцову приглянулось юное дарование, и Фонвизин был определен в Коллегию иностранных дел «переводчиком капитан-поручичья чина». По воспоминаниям самого Дениса Ивановича, ему сразу же начали доверять и «поручать важнейшие бумаги, отдавая именно для перевода мне». Фонвизину поручали делать переводы, требующие серьезного осмысления: он, в частности, перевел трактат И.-Г. фон Юсти «О правительствах». Находясь в должности переводчика-дипломата, в 1762 году Фонвизин впервые побывал за границей в Гамбурге и Шверине.

В начале октября 1763 года в его карьере снова произошли изменения: по указу императрицы Фонвизину надлежало, числясь при иностранной коллегии, «быть для некоторых дел при нашем статс-советнике Елагине», который состоял при кабинете императрицы «для принятия челобитен». Иван Перфильевич Елагин – личность незаслуженно забытая: историк, литератор, директор придворных театров. Исследователи его творчества склоняются к мысли, что именно он был главным редактором трудов Екатерины II.

Поначалу Фонвизину было сложно привыкнуть к столичной жизни. С присущим ему юмором он писал сестре 10 августа 1763 года: «Здесь знакомства еще не сделал. С кадетским корпусом не очень обхожусь тем, что там большая часть солдаты, а с академией – затем, что там большая часть педанты». Тем не менее Денис Иванович завел новые знакомства, среди которых были И.А. Дмитриевский, В.А. Аргамаков (позже женившийся на его сестре), князь Ф.А. Козловский.

Уже в это время Фонвизин твердо встает на позицию просветительства. В 1765 году, готовя второе издание переводных басен Гольберга, он дополнил книгу переводом 42 новых произведений. В басне «Пан делает учреждение» Фонвизин зло высмеивает сильных мира сего. Вывод автора почти революционен: «Давать старшинство не по природе, а по внутреннему достоинству, добродетели, прилежанию, через что приносят они людям истинную пользу».

В 1769 году Фонвизин вступил в «вольнодумное» литературно-офицерское общество, руководил которым кн. Ф.А. Козловский. Активным участником его был также Иван Дмитриевский – актер, переводчик, при этом член Российской академии наук. Сам Федор Козловский был известным литератором, одним из членов Комиссии по составлению проекта нового Уложения. Он, как и Фонвизин, учился в Московском университете, и, по-видимому, Денис Иванович был знаком с ним со студенчества. По выражению Фонвизина, «лучшее препровождение времени» в этом обществе «состояло в богохулии и кощунстве». Так он писал, уже разбитый параличом, в конце жизни. Однако в молодости критичное отношение к церкви было характерно для литературных кругов, а все ближайшее окружение Фонвизина были масонами, хотя сам Денис Иванович так и не вступил в ложу. Под влиянием этого кружка в 1769 году он создает сатирическое произведение «Послание к слугам моим – Шумилову, Ваньке и Петрушке». Здесь представлена не самая лицеприятная картина российской действительности: «За деньги самого всевышнего творца готовы обмануть и пастырь, и овца!» В этом произведении Фонвизин сатирическими красками рисует самодержавно-крепостнический режим, который порождает обман, насилие, продажность, и все это освещается церковью.

С 1763 по 1769 год Фонвизин написал и издал ряд других произведений: «К уму моему», «Матюшка-разносчик» и др. В 1764-м была поставлена его новая пьеса «Корион». В одном из

писем к сестре он упоминает о стихах, написанных в честь Екатерины II. Не оставляет Фонвизин и переводы: переводит и издает роман Ж.-Ж. Бартеlemi «Любовь Кариты и Полидора», сочинение аббата Куайе «Торгующее дворянство, противоположенное дворянству военному», «Иосиф» г. Битобе и др.

В 1769 году Фонвизин написал комедию «Бригадир», которая сделала его знаменитым и открыла двери домов столичных вельмож. Первый раз он прочитал «Бригадира» в присутствии А.И. Бибикова и Г.Г. Орлова; последний же не замедлил представить его Екатерине II. Фонвизин был приглашен в Эрмитаж, придворный театр императрицы. Похвала Екатерины открыла ему литературную карьеру, а знакомство с графом Н.И. Паниным сформировало его как мыслителя. Именно эта встреча, переросшая в дальнейшем в тесную дружбу, оказала большое влияние на жизнь и судьбу Д.Н. Фонвизина.

«Бригадир» – это первая истинно русская комедия. Ее действующие лица – две семьи провинциальных русских помещиков. Главный герой – Иван, сын бригадира, тупой, жадный, жестокий бездельник. Он презирует все русское, не имеет привязанностей, даже родители для него ничего не значат: «Живу уже двадцать пять лет и имею еще отца, и мать». В образе этого чудовища автор отобразил молодое поколение дворян. Молодые – достойные наследники своих отцов, которые всю жизнь посвятили не служению Отечеству, а наживе. В основе комедии – любовные интриги, но все эти «шашни» вызывают отвращение, так как суть этих любовных похждений – порок. В комедии отсутствуют потасовки, сцены с переодеваниями, что было свойственно произведениям данного жанра, но это не делает ее менее смешной. В «Бригадире» нет ни одного положительного героя, все образы как бы списаны с реальной жизни.

В том же 1769 году Фонвизин оставляет службу при И.П. Елагине и вновь определяется в Коллегию иностранных дел к графу Н.И. Панину: ему поручается обширнейшая переписка с нашими дипломатами при европейских дворах. Служить в ведомстве иностранных дел оказалось непросто. В 1773 году он жалуется в письме сестре на интриги – «...ни в каком скаредном приказе нет таких», – однако это с лихвой компенсируется не просто хорошими отношениями, а завязавшейся дружбой с графом Н.И. Паниным.

В 1773 году, в связи с окончанием обучения великого князя Павла Петровича, Панин был отправлен в отставку, получив богатое вознаграждение, которым он поделился со своими секретарями. Д.И. Фонвизин получил имение в Витебской губернии и 80 душ крепостных.

В 1774 году Фонвизин женился на Екатерине Ивановне Хлопковой (урожденной Роговиковой). Она была недворянского происхождения, и современники сочли брак мезальянсом. Однако Фонвизин выбрал себе в спутницы жизни женщину, которая разделяла его взгляды, а не по каким-либо иным основаниям. В 1777 году его Екатерина Ивановна серьезно заболела, и для поправления ее здоровья Фонвизины отправились за границу, на юг Франции. По дороге они посетили Варшаву, Дрезден, Лейпциг, Мангейм, Страсбург и Лион. Вернулись они в Петербург осенью 1778 года; эту поездку Фонвизин описал в «Записках первого путешественника».

В 1781 году Фонвизин написал комедию «Недоросль», которая впервые была поставлена в театре 24 сентября 1782 года. Одновременно он пишет «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления и оттого о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей», более известное как «Рассуждение о неперемненных государственных законах». Это «рассуждение» позднее было опубликовано А.И. Герценом в Лондоне; в России же этот трактат был издан С.Е. Шумигорским как приложение к его книге «Император Павел I. Жизнь и царствование» только в 1907 году.

Комедия «Недоросль» – центральное произведение Фонвизина, одна из вершин русской драматургии, органично связанная с идейной проблематикой «Рассуждений...». В пьесе изображены страшные последствия крепостничества – это «рабство» не только крестьян, но и помещиков, которые в условиях безнаказанности и полной безответственности буквально «оскоти-

ниваются». Впервые на сцене появляются и положительные герои Фонвизина – Стародум и Правдин, которые по своему мировоззрению исповедуют идеалы Просвещения. Императрица Екатерина и ее приближенные встретили комедию «Недоросль» с негодованием.

В 1781 году Фонвизин получил новое назначение – он стал членом правления Почтового департамента (находившегося тогда в ведении Коллегии иностранных дел) и принял активное участие в разработке проекта реформирования почты. Он обозначил три основных направления реформирования. Прежде всего необходимо было обеспечить безопасность почты, «скорее ее хождение», а также «сбор, сохранение и возможное приращение доходов» от почтового дела. Фонвизин писал, что «почта должна быть двоякая: одна легкая – для писем и самых легких и маленьких посылок, а другая тяжелая – для денег, вещей и людей». Эта идея Фонвизина о разделении почтовых отправок была реализована: из Москвы в Петербург и обратно почту стали доставлять два раза в неделю, а не один раз, как ранее.

7 марта 1782 года Фонвизин подал в отставку, решив полностью посвятить себя литературному творчеству. Он чувствовал приближение опалы: ему долго не давали разрешения поставить «Недоросля». Есть и другая точка зрения: что Денис Иванович был отставлен от службы после того, как Екатерине II стало известно о «Рассуждении...». Ознакомившись с этим произведением, императрица будто бы заявила: «Худо мне жить приходится, уж и господин Фонвизин хочет учить меня царствовать!» Однако достоверных подтверждений этой версии нет. Окончательно Фонвизин вышел в отставку в 1783 году с чином статского советника и с пенсией в 300 рублей.

Он написал много статей и для журнала «Собеседник любителей русского слова», который начал выходить с мая 1783 года. Его редактором числилась княгиня Е.Р. Дашкова, но известно, что за журналом пристально следила сама императрица Екатерина II, печатавшая в нем свои литературные и исторические сочинения. Уже в первом номере был напечатан «Опыт русского сословника», где автор, обличая российскую действительность, пишет о природном равенстве людей. Так, Фонвизин категорически не согласен с трактовкой расхожего понятия «подлый человек»: «Человек бывает низок состоянием и подл душою. В низком состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма подлый человек. Слово „низость“ принадлежит к состоянию, а „подлость“ – к поведению». В последующих номерах «Собеседника» Фонвизин помещает свои новые сатиры: «Челобитная российской Минерве», «Путешествие мнимого глухого и немого» и др.

31 марта 1783 года умер Никита Иванович Панин, друг и единомышленник Фонвизина. Именно к этому времени относится создание окончательной редакции «Конституции» – проекта государственных преобразований, реализацию которого Н.И. Панин связывал с воцарением своего воспитанника Павла Петровича.

В 1784–1785 годах Фонвизины для поправки здоровья снова уехали за границу. Они побывали в Германии и Италии, где Денис Иванович анонимно издал на французском языке «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина», нарисовав образ идеального просвещенного вельможи.

Последние годы жизни Д.И. Фонвизин был тяжело болен, но литературных занятий не оставил: начал автобиографическую повесть «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». Он готовил собрание своих сочинений в пяти томах; текст к 1788 году был готов, но запрещен к печати Екатериной II. Не состоялось и задуманное им издание журнала «Московские сочинения». Умер Денис Иванович Фонвизин в Петербурге 1 декабря 1792 года и был похоронен в Александро-Невской лавре.

Жизнь, творчество, общественно-политические взгляды Д.И. Фонвизина переплелись в подлинный калейдоскоп: мало найдется литераторов, да еще в XVIII веке, столь популярных при жизни. Возможно, Екатерина II, несмотря на постоянное недовольство деятельностью и взглядами Фонвизина, не стала его преследовать именно из-за его огромной популярности.

Формирование взглядов Фонвизина во многом происходило во время обучения: школа дала ему знание иностранных языков, умственную дисциплину, благодаря которой он выделяется из среды современных ему литераторов не только талантом, но и систематичностью образования. Большую роль в становлении Фонвизина как мыслителя сыграл Н.И. Панин. Именно с именем графа Панина связано участие Фонвизина в создании знаменитого проекта преобразований, известного под названием «Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина Рассуждение о непременных государственных законах». Само существование этого документа обросло легендами. Долгое время подлинник этой рукописи, написанный рукой Фонвизина, был засекречен. Известно, что сохранилось только введение к проекту законов, а полный текст был уничтожен. Единственный источник, повествующий о судьбе этого документа, – сочинения декабриста М.А. Фонвизина, племянника Дениса Ивановича, в его записках «Обозрение проявлений политической жизни в России».

Д.И. Фонвизин был сторонником основанной на законе монархии во главе с просвещенным, добродетельным государем, к числу которых он не относил Екатерину II. Он полагал, что государства образовались в результате «общественного договора» и поэтому «обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные, ибо не было еще в свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ее государем».

Для успешного управления страной, считал Фонвизин, необходимо составить «фундаментальные» законы и строго соблюдать их: без непременных государственных законов «не прочно ни состояние государства, ни состояние государя». Власть монарха, опирающегося на силу и страх, не может быть истинной, потому что «право деспота есть право сильного: но и разбойник то же право себе присваивает... Сила принуждает, а право обязывает». Если же государь – тиран, то «право народа – спасти свое бытие». Закон превыше всего, пишет Фонвизин, его никто не вправе нарушать: ни подданные, ни монарх. Обход законов монархом непременно приведет к такому положению, «где произвол одного есть закон верховный... тамо есть государство, но нет отечества, есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединились бы узлом взаимных прав и обязанностей».

Целью же истинного государя, делает вывод Фонвизин, должна быть «политическая вольность нации». Такая политическая вольность должна быть основана, во-первых, на священных законах, определяющих устройство государства, которые «разумеет мы под именем фундаментальных». Во-вторых, на гарантии исполнения указанных законов и защите от произвола чиновников, «чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти». В-третьих, на гарантии прав собственности. «Очевидно, – замечает Фонвизин, – что нельзя никак нарушить вольности, не разрушая права собственности».

Утверждая, что «верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных», Фонвизин считал необходимым усовершенствовать систему государственного управления. В составленном совместно с Н.И. Паниным проекте он предлагал учредить «верховный Сенат, часть несменяемых членов которого назначалась бы от короны, а большинство состояло из избранных дворянством из своего сословия лиц». Синод должен был войти в состав общего собрания Сената. Губернские, областные и уездные дворянские собрания получили бы право совещаться об общественных делах и личных нуждах, докладывать об этом Сенату и рекомендовать ему новые законы. Эти собрания должны были находиться «в иерархической постепенности» в отношении Сената. Выбор как сенаторов, так и местных чиновников должен был проводиться на этих собраниях. Сенат получал полную законодательную власть, а за императором оставалось право утверждать принятые законы и обнародовать их. Ему же принадлежала исполнительная власть. Учреждение верховного Сената, по мысли Фонвизина и его соавтора Панина, дало бы «политическую свободу дворянству». После этого следовало приступить к освобождению крестьянства.

Фонвизин доказывал, что истинным государем может быть только добродетельный человек. При этом под «добродетельностью» монарха он понимал строгое соблюдение им условий «общественного договора»: «Он должен знать, что нация, жертвуя частью естественной вольности, вручила свое благо его попечению, его правосудию, его достоинству». Поэтому в управлении государством монарх должен опираться исключительно на законы, направленные на защиту интересов народа, а не на собственные прихоти или случайных «любимцев». Если же монарх не будет следовать условиям «общественного договора», то народ имеет полное право разорвать такой договор: «Всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства и тиранства, есть власть не от Бога, но от людей, коих несчастья времен попустили, уступая силе, унижить свое достоинство. В таком гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, и весьма умно сделает, если разорвет».

Фонвизин никогда не идеализировал политику Екатерины II. В яркой сатирической форме он показал лживость и неискренность двора «Северной Семирамиды». В своей «Придворной грамматике» Фонвизин недвусмысленно писал: «Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно». Истинных же служителей отечества власть не жалует, раздавая чины не тем, кто истинно служит, а тем, кто умеет льстить.

Фонвизин был убежденным противником крепостничества. Он считал, что крепостное право, сложившееся в определенных исторических условиях, изжило себя с тех пор, как крестьяне перестали быть прикрепленными к земле, а превратились в абсолютно зависимых от своих хозяев рабов. Он указывал, что «...государство, которое силой и славою своей обращает на себя внимание целого света и в котором мужик одним видом человеческим от скота отличается... где люди составляют собственность людей, пресмыкаясь во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства». Такое положение крепостных аморально и невыгодно экономически. Так, устами героев своей комедии «Недоросль» Стародума и Правдина Фонвизин говорит, что «угнетать рабством себе подобных незаконно» и какое удовольствие для государей управлять свободными душами. Просвещенный государь, далее размышляет Фонвизин, «не допустит поселиться в его голове несчастной и нелепой мысли, будто Бог создал миллионы для ста человек».

Фонвизин постоянно размышлял о необходимости обеспечения равенства людей вне зависимости от чинов или происхождения. Так, еще при Елагине ему был поручен перевод одного французского трактата и составление его краткого пересказа; этот труд Фонвизин озаглавил «Сокращение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина». Там он указал, что появление «третьего чина» крайне важно для общественного и экономического благосостояния государства и что «сей третий чин нетрудно учредить и в России». Поэтому, писал далее Фонвизин, необходимо поощрять тех, кто «старается о мануфактурах, устанавливает промены вещей, оценивает товары». Чтобы разглядеть всех способных людей, необходимо создать такую систему образования, куда допустили бы всех способных учиться, в том числе из крепостных крестьян.

Фонвизин верил, что скоро в России грядут великие изменения: «История нашего века будет интересна для потомков. Сколько великих перемен! Сколько странных приключений! Сей век есть прямое поучение царям и подданным!»

**«Все истинно полезное укореняется прочнее,
когда его принимает сам народ, а не тогда,
когда его вводят путем приказания...»**

Дмитрий Алексеевич Голицын

Надежда Коришкова

История России XVIII века богата просветителями и общественными деятелями, однако и в этом ряду князь Дмитрий Алексеевич Голицын стоит особняком: аристократ, ученый, дипломат, мыслитель и экономист, замечательные письма которого были опубликованы в 1952 году в «Избранных произведениях русских мыслителей второй половины XVIII века». Всю жизнь проживший за границей, он всегда отстаивал интересы собственной страны.

Князь Дмитрий Алексеевич Голицын родился 15 мая 1734 года в Санкт-Петербурге (по другим сведениям, в селе Гиреево Московского уезда). Он происходил из старинного, аристократического, хотя и не очень богатого рода. Его отец Алексей Иванович Голицын служил поручиком в Бутырском полку, расквартированном под Москвой. Там же располагалось и его родовое имение. Известно, что во время правления Анны Иоанновны большой род Голицыных находился в опале, и поэтому его представители предпочитали отсиживаться в своих имениях.

В 1728 году Алексей Иванович Голицын венчался с княжной Дарьей Васильевной Гагаариной; с 1729 по 1735 год у них родилось пятеро детей. Однако семейное счастье родителей Дмитрия Голицына было недолгим: в 1739 году отец погиб на Русско-турецкой войне. После воцарения Елизаветы Петровны Дарья Васильевна Голицына переехала в Санкт-Петербург и в 1740 году определила сыновей в недавно открытый Кадетский корпус, где Дмитрий Голицын проучился восемь лет и был выпущен в Коллегию иностранных дел.

Дипломатическая служба была своего рода фамильной привилегией рода Голицыных. В 1760 году скончался русский посланник во Франции М.П. Бестужев-Рюмин, и его заменил князь Дмитрий Михайлович Голицын, троюродный дядя Д.А. Голицына. К нему, в русское посольство в Париже, Дмитрий Алексеевич и был направлен под родственный надзор «министерским делам обучаться». Правда, в мае 1761 года в Париж приехал уже новый посланник – П.Г. Чернышев, «который больше хворал, чем исполнял свои обязанности». В те месяцы пребывания у власти в Петербурге «германофила» Петра III и, соответственно, серьезных осложнений в отношениях России с Францией молодой дипломат Дмитрий Голицын был вынужден чуть ли не ежедневно ездить в Версаль с «визитами вежливости», где его, однако, почти не замечали.

В августе 1762 года, со сменой власти в Петербурге и вступлением на престол Екатерины II, в Париж был направлен очередной посланник, С.В. Салтыков, бывший до этого резидентом в Гамбурге, где прославился главным образом своими любовными похождениями. В 1763 году и он был отозван из Франции...

Князь Дмитрий Голицын приехал во Францию в возрасте 26 лет, когда его общественно-политические взгляды еще не вполне сформировались. Не будучи сильно загружен собственно дипломатической работой, он посещал театры и литературные салоны, где молодого русского аристократа охотно принимали. В салоне мадам Жоффрен он познакомился с Дени Дидро, Жаном Лероном Д'Аламбером, другими энциклопедистами. Большое влияние на формирование его экономических взглядов оказал Дэвид Юм, который в 1763–1765 годах был секретарем британского посольства в Париже. Дмитрия Голицына увлекли взгляды Юма;

позднее он писал вице-канцлеру А.М. Голицыну, что «после перевода трудов Юма, имеющих здесь блистательный успех, переводить с английского стало моим любимым занятием».

В 1763 году Екатерина II, оценив по достоинству дипломатические качества 29-летнего Дмитрия Голицына, а также активное участие его брата Петра Голицына в июньском перевороте 1762-го, назначила князя Дмитрия Алексеевича Голицына полномочным министром при версальском дворе. Главой русского посольства в Париже он пробудет до 1768 года.

Оценив также связи Дмитрия Голицына в высшем парижском обществе, Екатерина II, несомненно, рассчитывала сделать его орудием пропаганды собственных идей: именно через него императрица передала Д'Аламберу выпущенную в связи с ее восшествием на престол медаль; с ним же, по просьбе Екатерины, Голицын вел переговоры об издании «Энциклопедии» в России. Через Голицына Екатерина договорилась и о покупке у Дидро его библиотеки, которая была привезена в Россию после смерти мыслителя-энциклопедиста.

Голицын приобретал произведения живописи для петербургского Эрмитажа. Тот же Дидро с похвалой писал о Голицыне: «Я как следует почувствовал нынешний упадок живописи лишь после приобретений, сделанных Голицыным для Ее Величества и приковавших мое внимание к старинным картинам... Князь невероятно преуспел в познании искусств. Вы сами удивитесь, как он разбирается, чувствует, судит. И от этого у него высокие помыслы и прекрасная душа».

Основной письменный источник, свидетельствующий о становлении и эволюции общественно-политических взглядов князя Д.А. Голицына, – его переписка с вице-канцлером Александром Михайловичем Голицыным.

Несмотря на специфику жанра, в этих текстах можно найти вполне стройную программу российских реформ. Переписка между Голицыными велась с 1765 по 1771 год – в ранние годы правления Екатерины II, время написания ею знаменитого «Наказа» и работы Комиссии по подготовке проекта нового Уложения. Достоверно известно, что Екатерина внимательно читала и даже рецензировала письма своего посла во Франции, поэтому десять ответов ему вице-канцлера можно отчасти считать и мнением самой императрицы. То, что Екатерина во многом была автором ответов во Францию, можно заключить из многочисленных собственноручных пометок императрицы.

Переписывался Д.А. Голицын и с Вольтером – с 1765 по 1775 год. Сохранились письма Вольтера Голицыну: вероятнее всего, они были лично близко знакомы. Так, в письме от 25 января 1769 года Вольтер писал Дмитрию Голицыну: «Я проникнут воспоминаниями о Вашем сиятельстве...»

По рекомендации Голицына в Санкт-Петербург был приглашен Этьен Фальконе для создания памятника Петру Великому, и именно князь подписал официальный контракт со скульптором от имени российского правительства. 10 января 1767 года Голицын был избран почетным членом Петербургской академии художеств.

В 1768 году Голицын был отозван из Франции (в знак протеста России против «неуважительного отношения» французского двора к Екатерине II) и пожалован чином тайного советника и камергера. В январе 1769-го он был назначен посланником в Голландию и в том же году прибыл в Гаагу.

Еще после завершения своей миссии в Париже Голицын для «поправления здоровья» побывал в немецком городе Ахене, известном своими сероводородными источниками. Там он познакомился с дочерью прусского фельдмаршала С. фон Шметтау Адельгейдой-Амалией. Дружба переросла в нежные чувства, тем более что Амалия была весьма образованной девушкой и увлекалась трудами французских энциклопедистов. 14 августа 1768 года они обвенчались. Поначалу семейная жизнь Голицыных складывалась очень счастливо. На свет появились дети – Марианна и Дмитрий. Однако «жизнь по протоколу» быстро надоела Амалии, и в 1774 году она удалилась в деревню близ Гааги, где занялась воспитанием детей. До конца 1780 года

супруги хотя и редко, но общались, а потом Амалия Голицына переехала в город Мюнстер в Вестфалии, и встречи супругов прекратились. Одной из причин было увлечение А.С. Голицыной католическим мистицизмом, чего категорически не мог принять ее муж. Правда, до самой ее смерти они переписывались. Любопытна судьба их сына Дмитрия Дмитриевича Голицына. В 17 лет он принял католичество и посвятил себя миссионерской деятельности: основал земледельческую колонию Лоретто в Северной Америке, в Пенсильвании, где и прожил всю жизнь.

Находясь в Голландии, Д.А. Голицын перевел на русский язык книгу Гельвеция «О человеке, его умственных способностях и воспитании», издал ее в 1773 году за свой счет в Гааге, посвятив Екатерине II. В том же году он редактировал книгу профессора Кералио «История войны России с Турцией», в частности материалы, посвященные кампании 1769 года. Эта работа вышла в Санкт-Петербурге на французском языке в одном томе с родословной князей Голицыных.

В Гааге Д.А. Голицын представлял интересы России во время войны североамериканских колоний за независимость. Симпатии князя с самого начала конфликта были на стороне американских колоний, что, впрочем, тогда в целом совпадало с позицией российского двора. Голицын был лично знаком с Джоном Адамсом, который в донесении из Гааги 4 сентября 1782 года писал о нем: «Это порядочный и правдивый человек. Он очень сдержан и ведет себя крайне осмотрительно».

Голицын стал одним из авторов «Декларации о вооруженном нейтралитете». В письме Н.И. Панину от 18 февраля 1780 года он подробно обосновывал необходимость подписания союзного договора с Голландией, Данией и Швецией по вопросам защиты торговли и мореплавания при сохранении нейтралитета по отношению к воюющим сторонам. Видимо, своим письмом он убедил Екатерину II в необходимости подписания Декларации и заверил в союзническом расположении Голландии. Подтверждением этому служит тот факт, что письмо Голицына было зарегистрировано в канцелярии Коллегии иностранных дел 26 февраля, а 27-го Екатерина II подписала «Декларацию о вооруженном нейтралитете».

В конце 1782 года Д.А. Голицын был отозван из Голландии с присвоением ему ордена Св. Анны 1-й степени и назначением посланником в Турин, столицу Сардинского королевства, что было расценено им как почетная ссылка. Одной из причин подобной немилости явилась, по-видимому, слишком независимая позиция российского дипломата, а также его чересчур тесное знакомство с американскими лидерами, да еще и в обход российского двора. Косвенным доказательством этому служит письмо А.А. Безбородко к И.А. Остерману, где он указывал на необходимость поставить Голицына в известность, что не следует принимать от американцев подарков и писем. В 1783 году Д.А. Голицын счел за лучшее выйти в отставку и полностью посвятить себя науке.

Первое время после отставки Голицын жил в Гааге. В 1785 году он перевел на французский язык и издал книгу К.И. Таблица «Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы» со своими комментариями. Опубликовал он и несколько работ по электричеству: «Письмо о некоторых предметах электричества», «Наблюдения за естественным электричеством посредством воздушного змея».

Заинтересовавшись минералогией, Голицын занялся сбором образцов и в 1792 году предложил собственную классификацию минералов. Его «Трактат, или Сокращенное и методическое описание минералов» выдержал в Европе пять изданий. В 1793 году Голицын переехал в город Брауншвейг в Нижней Саксонии, где и умер 23 февраля 1803 года.

Имя князя Дмитрия Алексеевича Голицына было хорошо известно в научных кругах Европы. Еще во время дипломатической работы 15 октября 1777 года он был избран членом-директором Голландского общества наук; 3 апреля 1778-го – иностранным членом Брюссельской академии наук и художеств; 13 октября 1778-го – почетным членом Петербургской академии наук. В дальнейшем Голицын серьезно занимался физикой, химией, минералогией,

создал свою экспериментальную лабораторию, изобрел самую мощную в то время электростатическую машину. Он составил и уникальную коллекцию минералов, которую в 1802 году подарил Ленскому минералогическому музею, написал один из первых минералогических словарей.

Научная слава Д.А. Голицына возрастала: в 1788 году он был избран иностранным членом Шведской академии наук; в 1793-м – членом Берлинской академии наук; в 1798-м – членом Лондонского королевского общества; в 1799-м – почетным членом Минералогического общества в Йене, а затем в том же году стал его президентом. В 1798 году Д.А. Голицын был избран членом Российского Вольного экономического общества, в сборниках трудов которого опубликовал немало статей.

Общественно-политические интересы Д.А. Голицына сосредотачивались главным образом в области экономики – он был убежденным сторонником учения физиократов. Взгляды Голицына на закономерности развития любого, в том числе и российского общества нашли отражение в его капитальном труде «О духе экономистов, или Экономисты, оправданные от обвинения в том, что их принципы легли в основу Французской революции». Само название книги ясно говорит о том, что написать ее автора побудило желание опровергнуть начавшее распространяться тогда мнение, что именно учение «физиократов» (или «экономистов», как они сами себя называли) стало причиной Великой французской революции.

Согласно Голицыну, для процветания любой страны, роста ее богатства и культуры необходимо в первую очередь поддерживать земледелие. Для этого прежде всего следует повысить производительность труда, что возможно сделать только предоставлением личной свободы и права собственности непосредственному производителю. Причем наиболее важна здесь именно собственность: «Свобода распоряжаться избытками или, точнее, богатством является движущей причиной плодородия полей, разработки недр, появления изобретений, открытий и всего того, что может сделать нацию цветущей». При этом Голицын советовал четко определить, что такое собственность, и в обязательном порядке закрепить право собственности за непосредственными землепользователями, т. е. крестьянами.

Основная идея программы Голицына по решению проблемы крепостничества – необходимость правового регулирования отношений между помещиками и крестьянами. Это могло быть достигнуто дарованием крестьянам собственности, под которой Голицын понимал: 1) освобождение крестьян, т. е. «обеспечение их права собственности на собственную личность, без которого немислимы все другие виды собственности»; 2) «собственность движимую, то есть пожитки и пр.»; 3) «позволение тем, кто в силах, покупать землю на собственное имя и владеть ею подобно нам, господам, что со временем образовало бы их поземельную собственность...».

Однако при существующих законах и порядках в России невозможно защитить крестьянина от тирании помещика; крестьянская собственность осталась бы призрачной даже в случае ее признания. Потому, размышлял далее Голицын, за дарованием права собственности должно последовать учреждение контролирующего института «странствующих судей», обязанности которых будут состоять «единственно в том, чтобы защитить крестьян от тирании помещика». Таким образом, Голицын задумывался и о практической реализации своих идей. Правда, он полагал, что для успеха начинания пример должна подать сама императрица, освободив своих собственных крестьян. Тогда, по мнению Голицына, и большинство русских дворян последовали бы царскому примеру. Будучи убежденным противником крепостничества, Голицын предлагал освобождение крестьян без земли, с тем чтобы те, арендуя у помещиков землю, которую до этого и обрабатывали, платили ему арендную плату.

Екатерина II, вмешавшись в переписку Голицына с его кузеном, вице-канцлером А.М. Голицыным, усомнилась в практической осуществимости идей своего посла. Она высмеяла его, предложив осуществить подобные преобразования на его собственных землях. Д.А. Голи-

цын отвечал, что в одной частной вотчине невозможно произвести серьезные изменения, а тем более освободить крестьян без политической воли верховной власти, которая предварительно должна сделать три вещи: первое – отменить взыскания для беглых, второе – освободить помещика от поставки рекрутов и третье – законодательно расширить свободную торговлю продуктами земли. Голицын письменно заверял своего кузена (а через него – и императрицу), что постарается сделать так, чтобы его крестьяне могли не только обеспечивать себя и исправно платить подати, но и получать с земли прибыль. И он, Дмитрий Голицын, был бы счастлив, если бы в конце концов его разбогатевшие крестьяне выкупились на волю.

Конечно, «программа преобразований» Д.А. Голицына едва ли могла быть осуществлена в то время в России. Скорее всего, это были не более чем размышления образованного русского аристократа, почти всю жизнь прожившего за границей. Тем не менее взгляды князя Голицына высоко оцениваются историками. Так, известный историк Н.Н. Болховитинов писал, что «в отличие от многих своих коллег – тупых и самодовольных сановников – Д.А. Голицын не только придерживался самостоятельных взглядов по ряду важных вопросов, но и систематически подавал советы в Санкт-Петербург Н.И. Панину, И.А. Остерману и самой Екатерине II (не говоря уже об А.М. Голицыне), что не часто встречалось в дипломатической практике того времени...»

«Лучше не иметь иных законов, нежели, имея, не исполнять...»

Семен Ефимович Десницкий

Надежда Коршунова

Семен Ефимович Десницкий по праву считается основателем российской юриспруденции. Его труды сформировали основу отечественной правовой системы и одновременно положили начало изучению правовых дисциплин в России. Он первый переработал нормы русского законодательства в правовые определения и юридические конструкции и выстроил стройную систему российского государственного права. Несмотря на то что архив Десницкого полностью сгорел в Москве в пожаре 1812 года (не осталось даже его портрета), вклад в развитие российского права этого выдающегося ученого был настолько велик, что следы его плодотворной деятельности сохранились во множестве иных источников.

Точной даты рождения С.Е. Десницкого не сохранилось; известно лишь, что он родился в старинном городе Нежине Черниговской губернии не ранее 1740 года и происходил из малороссийских нежинских мящан. Детство Десницкого прошло на Украине, он хорошо знал украинский язык и быт. Первоначальное образование получил в духовной семинарии при Троице-Сергиевой лавре.

В 1759 году ему предложили место «казеннокоштного» (т. е. обучающегося за счет казны) студента в гимназии при Московском университете. Уже в апреле 1760 года Десницкий был переведен в число студентов философского факультета, где одновременно с ним учились И.А. Третьяков, Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин и многие другие будущие общественные деятели.

В конце 1760 года С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков были вызваны куратором Московского университета И.И. Шуваловым для подготовки их к продолжению обучения за границей. По совету «господ англичан» был избран университет города Глазго, где Десницкий и Третьяков обучались в течение шести лет – с 1761 по 1767 год.

Преподавание велось в основном на латыни, однако недостаточное знание английского языка поначалу сильно мешало обучению. В университете Глазго, как и в других английских университетах, студенты слушали авторские курсы профессоров. Так, в письме Десницкого декану и членам правления университета от 31 декабря 1765 года он указывает, что они с Третьяковым прошли «курс у доктора Смита», в течение трех лет посещали «курс мистера Дж. Миллара по гражданскому праву». Также они прослушали годовой курс химии у профессора Дж. Блэка, изучали математику и «купеческую арифметику». Особое влияние на формирование мировоззрения Десницкого оказали лекции Адама Смита по «нравственной философии», а также курс гражданского права у отличавшегося либеральными политическими взглядами Джона Миллара.

Получив каждый в 1765 году степени «магистра искусств и свободных наук», Десницкий и Третьяков обратились в правление университета с вопросом, не дает ли им основания «предложить себя в качестве кандидатов на степень доктора права и сдать экзамены, необходимые для получения этой степени» то, что они прослушали курс этики и юриспруденции у доктора Адама Смита и трехгодичный курс по гражданскому праву у Дж. Миллара. В тот же день обращение было рассмотрено, Дж. Миллар частным порядком проэкзаменовал Десницкого и Третьякова, и, после того как оба магистра показали высокие результаты, они вышли на публичный экзамен, успешно выдержав его 16 января 1766 года. Уже 8 февраля ими были

представлены диссертации, которые после внимательного прочтения английскими профессорами были рекомендованы к публикации.

Московские студенты задержались в Англии. Сразу после получения ими степени магистров из России пришел приказ возвращаться на родину, но Десницкий и Третьяков были исполнены желания завершить свое образование. 7 апреля 1767 года они обратились с письмом к декану и ученому совету университета Глазго, где писали, что поскольку получили приказ отбыть на родину как можно скорее, то просят позволить им пройти оставшиеся испытания, полагающиеся для претендентов на степень доктора права: «Не соблаговолят ли поэтому достопочтенный декан и ученый совет назначить день, чтобы просители смогли подвергнуться упомянутым испытаниям, и присудить им искомую степень, если они этого заслуживают».

Их просьба была рассмотрена 20 апреля 1767 года: «Рассмотрев прошение Третьякова и Десницкого, в котором они сообщают, что получили приказ отбыть на родину как можно скорее, совет считает возможным обойтись без публичной защиты ими их диссертаций (как было решено на прошлом совете) и, будучи удовлетворен теми знаниями в области гражданского права, которые они выказали, отдает распоряжение, чтобы вице-канцлер присудил им степень доктора права, когда сочтет это удобным». Таким образом, Десницкий и Третьяков стали первыми иностранцами, получившими эту ученую степень в университете Глазго.

н июня 1767 года Десницкий и Третьяков прибыли в Петербург. Там к их зарубежным сертификатам отнеслись с недоверием и потребовали пересдачи экзаменов по математике и юриспруденции. 13 августа состоялся экзамен, на котором присутствовала сама императрица Екатерина II. Из протокола заседания становится ясно, что Десницкий прошел экзамен успешно, и уже 17 августа 1767 года ему было поручено читать студентам «римское право по институциям, с применением к русскому праву отдельных законов».

Десницкий с воодушевлением приступил к работе. Первым делом он решил добиваться права читать лекции на русском языке у куратора Московского университета В.Е. Адодурова. Сначала Десницкий читал свой курс, как было принято, на латыни, а с 1768 года – на русском языке. 8 мая 1768 года ему было присвоено звание «экстраординарного профессора», которое уже давало право принимать участие в заседаниях университетской конференции, а спустя шесть лет он стал «ординарным профессором». Пост профессора юриспруденции Московского университета С.Е. Десницкий занимал с 1768 по 1787 год.

Для работы со студентами Семен Ефимович потребовал выписать 25 экземпляров «Corpus juris civilis» с различными комментариями: по его мнению, студенты должны были судить о римском праве не по пересказам преподавателей, а по первоисточникам. Он добился учреждения кафедры русского законоведения и возглавлял ее с 1773 года, а после разделения кафедры на теоретическую и практическую стал первым преподавателем курса русского права, которое фактически сам и создал. Десницкий настоял, чтобы русскому праву было отведено одно из главных мест в учебной программе. Кроме того, в 1783–1786 годах Десницкий преподавал в Московском университете английский язык; им же была составлена грамматика английского языка для русских студентов.

В 1783 году С.Е. Десницкий был избран действительным членом только что созданной Российской академии наук. От Академии он был привлечен к работе над «Российским словарем»: ему было поручено сделать выборку и дать толкование юридических терминов из основных сводов российских законов. Эти толкования использовались многими последующими поколениями русских историков и юристов и оказали большое влияние на развитие русского права.

Принимал Десницкий участие и в работе Вольного российского собрания, основанного при Московском университете в 1771 году. Он придавал также большое значение изданию материалов судебных архивов. Переводил труды английских ученых с подлинников, а не фран-

цузских аналогов, как это делалось ранее. Так, он перевел «Истолкования английских законов» У. Блэкстона и снабдил их своими комментариями.

В 1787 году Семен Ефимович серьезно заболел и вышел в отставку, а через два года, 15 июня 1789 года, скончался в Москве.

С.Е. Десницкий разработал свою теорию происхождения государства. Вслед за А. Смитом и Дж. Милларом он считал, что власть и государство произошли не в результате «общественного договора», а из появления собственности и необходимости ее защиты – главной обязанности верховной власти. На основании этого Десницкий указывал, что права человека начинаются с прав обладания собственностью.

В основу концепции Десницкого о происхождении государства была положена идея смены «состояний рода человеческого», через которые проходят все народы. Он выделил четыре таких состояния: «из них первобытным почитается состояние народов, живущих ловлей зверей и питающихся плодами, самородящимися на земле; вторым – состояние народов, живущих скотоводством, или пастушеское; третьим – хлебопашественное; четвертым и последним – коммерческое». По мнению Десницкого, такие состояния присущи всем «первоначальным народам»; именно исходя из этих критериев, или «четверояким народов состояниям», необходимо изучать «их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспеяния в науках и художествах».

Критерием развития обществ, согласно Десницкому, следует считать отношение народов к собственности. По его мнению, обеспечение прав собственности – главный критерий соблюдения законности в обществе: «Лишать человека владения или препятствовать ему в употреблении своей вещи есть явное беззаконие, и владеющий оною имеет право употреблять ее по своему произволению и исключать прочих всех от владения и употребления своей вещи». Именно поэтому разные народы в разных состояниях постепенно «достигают» понятия собственности. Фактически именно Десницкий ввел этот термин в систему российского права: то понятие, которое позднее использовал М.М. Сперанский при составлении «Свода законов», мало чем отличается от рассуждений Десницкого. «Собственность, – писал Десницкий, – включает в себя: 1) право употреблять свою вещь по произволению; 2) право взыскивать свою вещь от всякого, завладевшего оною несправедливо; 3) право отчуждать свою вещь, кому кто хочет, при жизни и по смерти».

В своем труде «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оное приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими» Десницкий тесно связал происхождение государства, семьи и отношение к собственности. На первой стадии развития человечества семьи не было, а связи мужчин и женщин носили беспорядочный характер. Семьи или «семейства», писал Десницкий, возникают только тогда, когда появляются первые «хозяйства». Меняется и роль женщины. Если в первоначальном состоянии ее положение было близко к рабскому, то в дальнейшем, особенно в земледельческом состоянии, статус женщин повышается, появляется парный брак.

Происхождение государства, по мнению Десницкого, связано с природой человека. В труде «Рассуждение о происхождении власти и старшинства в народах, от которого происходит правление» он выделяет три причины возникновения власти отдельных людей над остальными членами общества. Это «превосходство в физической силе, превосходство духа и превосходство в богатстве». Первое преобладало на заре человечества «в непосвященном веке», но встречается и сейчас, например в школьных компаниях. Власть физически более сильного основывается не только на страхе, считал ученый, но и на желании слабых найти выгоду и покровительство. По той же причине с древних времен имеют власть люди «превосходных душевных дарований». Однако ни того, ни другого не достаточно для постоянного властвования.

ния: «Единственно також посредством превосходного богатства и в нынешних народных правлениях правительствующие удерживают свое достоинство, величество и власть».

Одновременно с властью возникают правовые нормы. На первых порах законы были «простые и немногие». Так продолжалось до тех пор, пока отдельные члены общества не сосредоточили в своих руках значительные богатства. За этим последовало появление законов, охраняющих собственность: «Как скоро польза и надобность вещей движимых и недвижимых стала народом столь чувствительна, что многие через потеряние оных в разорение приходять стали; то отсюда начали в обществе происходить тяжбы, ссоры и смертоубийства, для отвращения которых законы сысканы, показующие, в чем святость прав и в чем принадлежащая всякому собственность и наследие состоит». Появление законов позволило закрепить власть одних членов общества над другими, что и привело к образованию государств. Таким образом, делает вывод Десницкий, происхождение собственности «соединено с непосредственным происхождением и самих правлений государственных».

С.Е. Десницкий был сторонником «законной монархии». В отличие от многих других просветителей, он не высказывал напрямую критических замечаний в адрес Екатерины II, а предлагал реформировать систему государственного управления на основе разработанной им теории. В основу классификации государственных учреждений Десницкий положил «природные права человека»: право на жизнь, здоровье, честь и собственность, – а также «приобретенные», связанные с особенностью государственного строя в конкретный исторический период. Десницкий одним из первых заговорил о необходимости признания и охраны данных «природных» прав человека, реализация которых не должна зависеть от воли монарха. На основании этого он как юрист считал необходимым пересмотреть действующую классификацию преступлений по степени их тяжести, поставив на первое место преступления против личности и собственности, а не против религии и государства, как это было принято.

«Природные права человека» Десницкий положил в основу классификации не только отдельных сословных групп, но и государственных учреждений, которые он разбил на категории: публичные персоны в собственном смысле; политические корпорации; корпорации, преследующие специальные цели. В группу публичных персон Десницкий отнес монарха и органы «совещательной» и «исполнительной» власти: Сенат, Синод и Коллегии – военную, адмиралтейскую и иностранных дел. Относя монарха к категории «публичных лиц», Десницкий тем самым причислял императорскую власть к учреждениям «внутри» (а не вне) системы государственного управления, что было безусловным шагом вперед по сравнению с господствовавшими в тот момент в России представлениями.

«Публичным лицам» Десницкий противопоставлял корпорации, или «корпуса», преследующие специальные цели и обладающие известной автономией, например Университет, Академия наук, Академия художеств,

Медицинская коллегия, «политические корпуса» и т. д. К последним Десницкий относил традиционные сословия мещан и купцов, получившие некоторые зачатки самоуправления при Петре I, и еще только складывавшиеся во второй трети XVIII века группы поставщиков, «кумпанейщиков» и откупщиков. По сути, Десницкий указывал на необходимость создания зачатков гражданского общества – институтов, автономных от государства.

В организации государственной власти Десницкий был сторонником разделения властей. Свою концепцию он изложил в «Представлении об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». Это «Представление...» оказалось столь радикальным для своего времени, что было опубликовано только в 1905 году. Однако весьма вероятно, что данный документ был известен Екатерине II. Есть точка зрения, что источником XXII главы «Наказа», посвященной финансово-экономическим вопросам, были именно работы Семена Ефимовича Десницкого: «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», «Третье отделение о нижнем

роде», «Управление духовное», «Литера А второй части плана» и «Об управлении финансов». Например, в ст. 588 «Наказа Комиссии для сочинения проекта нового Уложения» Екатерины II мы читаем: «Считают пять предлогов, на которые обыкновенно делается накладка (то есть налог): а) лица; б) имения; в) произрастания домашние, употребляемые людьми; г) товары отвозные и привозные; д) действия». Нечто подобное есть и у Десницкого: «Считают пять предлогов, на которые можно учинить накладку: 1) лица; 2) имения; 3) произрастания домашние, потребляемые народом; 4) товары отвозные и привозные; 5) действия. От чего происходит другое распределение податей на принужденные и добровольные».

Основная идея «Представления...» сформулирована в предисловии к нему, где Десницкий пишет, что «законы делать, судить по законам и производить суд во исполнение – сии три должности составляют три власти, то есть законодательную, судительную и наказательную, от которых властей зависит все почти чиноположение и все главное правление в государствах». В примечаниях, ссылаясь на Ш. Монтескье, Десницкий указывает, что не он первый заговорил о трех ветвях власти, но постарался «приноровить» их к российской ситуации. Более того, как истинный ученик английских либеральных философов, он предостерегает власть от излишне поспешных преобразований. Он подчеркивает, что при проведении реформ «надобно осторожность иметь, чтоб одна власть не выходила из своего предела в другую и чтоб при том всякая из сих властей имела своих надзирателей, которых опасению она была всегда подвержена».

Десницкий выдвигает положение о первенстве законодательной власти и отмечает, что в своем трактате стремился учесть особенности политического строя России, главной из которых он считает полноту власти русского самодержца. Поэтому «...законодательная власть всех прочих высшею представляется», так как в Российской империи, «кроме монархов, никто в полном значении не может иметь в своем ведении этой власти». Однако монарху в деле законотворчества «необходима помощь».

Организовать государственное управление Десницкий предлагал следующим образом: превратить Сенат в однопалатное представительное учреждение, состоящее из «шести или восьми сот человек». Сенаторы должны избираться от землевладельцев, купечества и «художественных людей», из «духовных и училищных мест» с тем, чтобы всякая губерния, провинция и «корпуса» имели в законодательной власти своего представителя. Право избирать обуславливалось имущественным цензом. Еще более высокий ценз устанавливался для кандидатов в сенаторы. Они должны быть настолько обеспечены имуществом, чтобы могли выполнять обязанности сенатора «на своем иждивении». Данное положение должно было коснуться всех сенаторов: и дворян, и купцов, и представителей церкви, университетов и различного рода «корпусов».

Избирать сенаторов Десницкий предлагал на пять лет с правом переизбрания на второй срок. Ограниченность срока службы сенаторов он объяснял заботой об их материальном благополучии. Так как эта служба должна быть бесплатной, то при длительной работе сенаторы могут разориться. Переизбрание в третий раз Десницкий предлагает запретить, аргументируя это положение тем, что «...от такого запрещения та польза отечеству воспоследует, что многие, а не одни только люди будут иметь больше случаев оказать свои услуги отечеству и научиться правоправлению и законоискусству в сенаторской должности».

Внутри Сената все его члены, полагал Десницкий, должны пользоваться равными правами, независимо от сословной принадлежности: «Дворянству ж в заседании совокупно с разночинцами в сенате согласным не быть причины нет. У них во всех не приватный интерес, но целого отечества польза и благосостояние должно всегда за главное правило в наблюдении поставляемо быть». Фактически, не заявляя об этом прямо, Десницкий поставил вопрос об ограничении Сенатом власти монарха. Однако он размышлял о необходимости «судительной и наказательной власти» скорее как юрист, чем как государственный деятель. Из «Записки»

видно, что гарантии «законности» Десницкий видел не в принципе разделения властей, а лишь в ограничении «законностью» верховной власти.

Впервые в русской политической мысли Десницкий высказался о необходимости не только отделения суда от администрации, но и об установлении принципа независимости и несменяемости судей. Он писал, что судебная власть должна быть относительно независимой от воли монарха, хотя право назначать судей должно остаться за ним. В то же время судья не может быть снят со своего поста и должен пребывать на нем пожизненно, «...притом ему полная власть дана... судить всякого без изъятия так, что и апелляции на него делать никому б не дозволялось, разве в случае, когда он явно против закона кого осудит». Но и в этом случае монарх не выносит решение о судьбе нарушившего свой долг судьи: дело разбирается

Сенатом, а монарху предоставляется лишь право в случае установления факта виновности подвергнуть судью штрафу и наказанию.

Несмотря на то что автор «Представления...» декларирует право монарха назначать судей, в то же время он стремится поставить это право в определенные рамки. Так, судьей может стать лишь тот, кто сдаст экзамен профессорам юридического факультета, а затем – корпорации адвокатов. После сдачи экзаменов кандидат в судьи должен еще не менее пяти лет практиковать в качестве адвоката. Дела рассматриваются судьей с участием 15 присяжных – автор называет их «свидетелями». Таким образом, выработанные Десницким положения, касающиеся «судительной власти», в случае их реализации могли способствовать превращению судебной власти в институт, который вполне мог бы противостоять изменчивой воле монарха.

Основной задачей «наказательной власти» Десницкий считает «спокойствие и тишину наблюдать в порученных себе местах, то есть воров, разбойников и подобных сим в тюрьму брать», «осужденных в тюрьме содержать и приказанном судьями месте казнить», «собирать подушное и пошлыны из земельных владельцев». «Наказательная власть», согласно проекту Десницкого, возлагается на «воевод», назначаемых монархом. За воеводами устанавливается строгий судебный контроль. Жалобы на их действия должны рассматриваться в Сенате, после чего воевода может быть подвергнут «произвольному монарха штрафу или наказанию».

Для охраны правопорядка Десницкий разработал вопросы организации «полиции», которая должна «показывать все то, что принадлежит до благоустройства и благосостояния, удобного содержания и безопасности обывателей, и рассуждать о средствах, надобных к предупреждению внутренних волнений и к защищению от неприятельских нападений».

В «Представлении...» Десницкий также разработал положения о необходимости введения местного самоуправления: «Сия власть поручена должна быть таким людям, которые в городе живут и у которых больше дел отправляется в городе. Следовательно, такую власть иметь можно дозволить гражданам, а более еще купцам и художественным людям». Это представительство должно было в столичных городах состоять из 73, а в губернских и больших провинциальных – из 12 человек, избираемых на два года, но только из купцов и дворян.

В проектируемых им органах гражданской власти Десницкий отводил преобладающую роль купечеству. Так, из 73 членов городского самоуправления в столицах на долю купцов приходится 55 мест, а на долю дворян – только 18, в губернских и провинциальных из 12 членов купцов – семь, а дворян – пять. Не менее характерно, что членами городского самоуправления как в столицах, так и в провинции должны назначаться только купцы первой гильдии.

Полномочия проектируемых Десницким органов «общественного управления» ограничивались вопросами местного хозяйства (продовольственное дело, городское строительство, дорожное дело и местные финансы). На исполнительные органы этой гражданской власти возлагалась обязанность рассматривать дела об административных нарушениях, но под контролем суда. Обиженные могли жаловаться на постановления этих органов «судительной власти».

С.Е. Десницкий был противником крепостного права – прежде всего в силу его экономической неэффективности. Он не говорил о необходимости немедленной отмены крепост-

ного права, но указывал, что следует как можно скорее ограничить личное рабство крестьян. Екатерине II Десницкий предлагал принять законы, запрещающие продажу крестьян без земли и разрушение их семей, так как это вредит не только крестьянам, но и самим помещикам. В приложении к своему труду «Представление...» Десницкий писал: «Противны человеколюбию, пагубны для государства, вредны самим помещикам ныне чинимые продажи крестьян в розницу или хотя и семьями, но без земель». Да и сам перевод в дворовые даже без последующей продажи является нежелательным для земледельческого хозяйства, самого помещика и крестьянской семьи. Поэтому данный процесс также следует регламентировать. Десницкий предлагает обязать помещиков самим, а не через посредников, отбирать дворовых, ограничить срок нахождения в этом состоянии, а также установить определенную компенсацию для семьи, которая лишается рабочих рук. Правда, исполнения всех своих проектов Десницкий ожидал от просвещенных помещиков в добровольном порядке. Главным шагом к освобождению крестьян должно было стать предоставление им права собственности на орудия их труда.

Десницкий ввел в научный обиход термин «финансы». В его работе дано первое в отечественной науке определение этого понятия: «Финансы имеют предлогом доставление государству надельных и довольных по его надобностям доходов». При этом Десницкий подчеркивал, что финансы – это не просто синоним русского слова «казна»: они включают в себя «издержки государства на доходы оного». В проекте реформирования финансового законодательства «Об узаконении финансов» Десницкий предложил постепенно перейти от подушной подати, налагавшейся только на крестьян и посадских людей, к косвенным налогам, которые, как он говорил, «более касаются для всех вообще государственных жителей». Это позволило бы облегчить положение беднейших граждан страны, более справедливо перераспределив налоговые тяготы и лишив необоснованных преимуществ высшие слои общества.

Известно, что Десницкий был сторонником «нравственной философии» и одним из первых стал рассматривать правовые и этические проблемы в их единстве. Он считал, что «нравоучительная философия», или этика, – это «первый способ к совершению наших чувствований, справедливости и несправедливости», поэтому ее соединение с «натуральной» юриспруденцией должно стать основой для всех юридических конструкций, или составить «первоначальное учение законоискусства». Таким образом, взгляды Десницкого принципиально отличались от господствующей тогда доктрины, авторами которой были прежде всего немецкие юристы, и в частности С. Пуфендорф, утверждавшие приоритет формальных конструкций права.

Десницкий считал, что в России необходимо расширять сеть образовательных учреждений, в которых можно было бы получить юридическое образование. Он считал, что не знающий закона человек не сможет быть истинно свободным, так как не будет в состоянии, в силу безграмотности, сам защитить свои права. Особенно важны юридические знания для уездных заседателей и депутатов Уложенной комиссии, или «участников законоположения», как он их называл. Как может участник Комиссии принять новый закон, если он «не понимает старого»? По мнению Десницкого, юристу необходимы четыре науки: нравоучительная философия, натуральная юриспруденция, римское право и отечественное право; последние следует изучать на основании сравнительно-исторических данных.

Почетный гражданин города Глазго Семен Ефимович Десницкий вписал свое имя в историю европейской юриспруденции: известный российский историк-либерал Александр Кизеветтер справедливо назвал его «самым блестящим украшением университета в XVIII веке».

«Худой человек всегда бывает и худой гражданин...»

Николай Иванович Новиков

Надежда Коришнова

Николай Иванович Новиков (1744–1818) – один из ярчайших русских просветителей, был наделен огромным литературным, журналистским и издательским талантом, а его судьба отразила все противоречия истории России последней трети XVIII – начала XIX века.

Н.И. Новиков родился 27 апреля 1744 года в селе Тихвинское-Авдотьино Коломенского (затем Бронницкого) уезда Московской губернии, в семье небогатого помещика. Как было принято в то время, начальное образование он получил дома: грамоте и арифметике его научил дьячок местной церкви. Однако его отец, Иван Васильевич, считал такое образование недостаточным и в 1755 году определил Николая во французский класс гимназии при Московском университете. Обучение длилось пять лет. Первый год – русская школа (русский язык, арифметика, латынь); второй и третий – французская школа (арифметика, география, история, геометрия, французский язык, «штыль российский и сочинение писем»); четвертый и пятый – школа «первых оснований наук» (география, геометрия, история, языки и философия). Французскую школу Новиков окончил в 1758 году с отличием, что было отмечено в газете университета «Московские ведомости». Но в дальнейшем учеба шла не так гладко: за «леность и нехождение в классы» Н.И. Новикова 3 июня 1760 года отчислили из гимназии. (По другим сведениям, из-за болезни отца он с середины 1760 года жил в деревне и не мог посещать занятия.) В дальнейшем Николай Иванович утверждал, что школьные философы просто «не лезли в его голову».

В начале 1762 года Н.И. Новиков был определен рядовым в лейб-гвардии Измайловский полк. В ночь переворота в пользу Екатерины II он стоял часовым у подъемного моста измайловских казарм, за что произведен в унтер-офицеры. Во время не слишком обременительной военной службы Новиков начал проявлять интерес к книжному делу: издал две переводные французские повести и сонет.

17 августа 1767 года, уже в звании каптенармуса, он, в числе других гвардейских офицеров, был определен «держателем дневной записи» в Уложенную комиссию. По должности ему полагалось вести журналы общего собрания депутатов и Малой комиссии «О среднем роде людей», а также докладывать Екатерине II о состоянии дел Комиссии (благодаря чему Новиков и познакомился с ней лично). Именно работа в Уложенной комиссии сыграла ключевую роль в формировании его мировоззрения.

После завершения работы Большой комиссии, 1 января 1768 года, Новиков перевелся из гвардии в армию в чине армейского поручика и 17 февраля был зачислен в Муромский пехотный полк Севской дивизии, однако к новому месту службы так и не прибыл. На год он задержался в Москве для оформления и сдачи документов по комиссии, а к маю 1769 года оформил свою отставку с военной службы и возвратился в Петербург. В 1770–1778 годах Новиков числился переводчиком Коллегии иностранных дел, однако сам никогда не упоминал об этой службе.

Не чувствуя в себе призвания к государственной службе вообще, в 1773 году Николай Иванович вышел в отставку в чине поручика. «Всякая служба, – писал он позднее, – не сходна с моей склонностью... военная – кажется угнетающей человечество... приказная – надлежит знать все проницательству... придворная – надлежит знать все притворства». В течение ряда последующих лет он занимался изданием сатирических журналов: «Трутенъ» (с 5 мая 1769 года по 27 апреля 1770-го), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772–1773) и «Кошелек» (с 8 июля

по 2 сентября 1774 года). Главную задачу журналистики Новиков видел в том, чтобы давать «сатиру на лицо», т. е. указывать на конкретного носителя зла: «Меня никто не уверит в том, чтобы Молиеров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок».

На создание «Трутня» Н.И. Новикова отчасти вдохновил официальный журнал «Всякая всячина», где впервые в печати прозвучало моральное осуждение жестокого обращения с крепостными. Одной из главных тем нового издания стала проблема чиновничьего и судебного произвола. Был затронут также очень важный и щекотливый вопрос о превращении крепостного права в систему личного рабства; трутень – это крепостник-помещик. Эпиграфом для своего детища Николай Иванович избрал фразу из притчи Сумарокова: «Они работают, а вы их труд ядите».

Естественно, острая сатира «Трутня» не шла ни в какое сравнение с легкой иронией екатерининских журналов, поэтому вскоре он был закрыт. Однако Новиков не собирался расставаться с журналистикой. В июне 1770 года он, теперь через подставное лицо, фон Фока, начинает ежемесячное издание под нейтральным названием «Пустомеля». Хотя в нем должны были печататься произведения не только критического, но и положительного характера, все-таки два номера оказались слишком острыми. В одном из них были помещены две смелые театральные рецензии, в другом – «перевод с китайского А.Л. Леонтьева... Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну». В этой статье говорилось о долге и обязанностях государя и вельможи перед народом «в Китае»...

Свой следующий журнал – «Живописец» – Новиков посвятил Екатерине II («неизвестному» сочинителю комедии «О, время!»). Первоначально в нем высмеивались Наркис Худовоспитанник, Кривосуд, Молокосос, Волокита и др. Появились даже несколько статей самой Екатерины. Но от номера к номеру издание приобретало все более выраженную антикрепостническую направленность («Отрывок путешествия в... И... Т***», «Письма к Фалалею»). Правда, кроме чисто сатирических статей «Живописец» помещал также материалы о событиях в России и за рубежом: вероятно, Новиков получал их благодаря своим связям с Коллегией иностранных дел. Так, на его страницах были опубликованы письма Доминика Диодати о «Наказе» Екатерины II (1771) и Самуила Миславского к Е.А. Щербину о заведении типографии в Харькове; перепечатано «Слово» Д.И. Фонвизина на выздоровление великого князя Павла Петровича и др. С журналом сотрудничали Е.Р. Дашкова, П.С. Потемкин, В.Г. Рубан. Однако из-за начавшейся войны с восстанием Пугачева и это издание было закрыто.

Н.И. Новиков нашел новое применение своим талантам. Он приступает, да к тому же при финансовой поддержке императрицы, к изданию ежемесячной (в течение 1773–1775 годов) «Древней российской вивлиофики». Это первый периодический источниковедческий журнал, где публикуются княжеские грамоты и договоры XIV–XVI веков, дипломатическая переписка и т. п. Самый древний документ, попавший в «Вивлиофику», – Устав князя Владимира Святославича «О церковных судах, и о десятинах, и о церковных людях». Материалы издатель получал из Московского архива Коллегии иностранных дел, находил рукописные памятники в библиотеках: Академии наук, Патриаршей, Успенского собора в Москве, Киево-Печерской лавры. Разумеется, проделать такую работу в одиночку невозможно. С Новиковым сотрудничали М.М. Щербатов, Г.Ф. Миллер, Н.Н. Бантыш-Каменский, текстолог и библиограф Дамаскин (Д.Е. Семенов-Руднев), а также владельцы личных библиотек.

Кроме того, Н.И. Новиков издал «Опыт исторического словаря о российских писателях», составив его «из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий». В подготовке ему помогали историк Г.Ф. Миллер и поэт А.П. Сумароков. «Словарь» включал 317 биографий (с X по XVIII век), а также перечень главных произведений каждого автора с раскрытием их содержания. Новиков считал необходимым «дать имена всех наших писателей», даже тех, кто опубликовал всего лишь одно произведение. Таким образом

он хотел доказать, что русская история и культура ни в чем не уступают европейской: «Россия о преимуществах в науках спорит с народами, целые веки учением прославлявшимися; науки и искусства в ней распространяются, а писатели наши прославляются». «Опыт исторического словаря...» получил широкую известность. Примечательный факт: Д. Дидро вывез его во Францию в числе других лучших русских книг.

Тогда же Новиков задумывает очередной сатирический журнал «Кошелек». Но теперь он решает несколько изменить направление своей сатиры: заняться порицанием галломании и космополитизма и, напротив, – прославлением национальных достоинств, «древних российских добродетелей». Название имело двойной смысл: мешочек для денег и кожаный или тафтяной мешок, куда укладывалась коса парика. В новом журнале были опубликованы «Разговоры» русского с французом и француз с немцем, «Письмо» из Парижа в защиту французов (явно новиковского сочинения); в этих статьях сопоставляются «добродетели» разных народов. Императрица начинанием заинтересовалась и рекомендовала присылать ей листы для просмотра. Однако Николай Иванович вскоре понял, что издавать журнал самостоятельно он не сможет. Существует также точка зрения, что «Кошелек» был запрещен цензурой по протесту французского посланника.

За эти пять лет журналистской деятельности сформировались взгляды Н.И. Новикова на воспитание граждан, общество, государство и крепостничество. Одновременно с изданием словарей и журналов он пробует себя и как книгоиздатель. Созданное им первое в России объединение «Общество, старающееся о напечатании книг» с девизом «Согласием и трудами» существовало с 1773 по 1775 год. Среди членов «Общества» были Н.А. Радищев, Д.Е. Семенов-Руднев, Я.Б. Княжнин и др. В течение двух лет удалось выпустить двадцать четыре книги: сочинения по истории и этнографии России, прозаические и драматические произведения французских, немецких, английских авторов (среди них «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, трагедии П. Корнеля «Сид» и «Смерть Помпеи», «Размышления о греческой истории» Г. Мабли).

В 1775 году Н.И. Новиков вступил в масонскую ложу «Астрей». Одной из главных причин обращения к масонству стало, безусловно, разочарование в политике Екатерины II, а также открывающиеся финансовые возможности. В 1779-м Николай Иванович переехал в Москву и в том же году получил предложение от одного из кураторов Московского университета, М.М. Хераскова, взять в аренду университетскую типографию. Он тут же взялся за дело и даже вступил в «Вольное Российское собрание». Однако рамки «Собрания» оказались издателю тесны, и поэтому 6 ноября 1782 года он открыл собственное «Дружеское ученое общество», ставившее перед собой обширные просветительские задачи. В 1783 году, после выхода указа, разрешающего иметь частные типографии, Новиков распустил «Общество» и 1 сентября 1784 года создал на его базе Типографическую кампанию. Сам он, с присущим ему юмором, так объяснял свой поступок: «Что касается до собственного моего побуждения к сему, то, признаваясь искренне, скажу, что хотя любовь к литературе и великое в сем подвиге участие имел, но главнейшее побуждение было, конечно, гордость и корыстолюбие; ибо я видел, что типография была в крайне худом состоянии, и я, по знанию моему, надеялся в скором времени ее поправить и тем себя высказать». И действительно, он серьезно обновил оборудование, выписал из-за границы новые шрифты и бумагу.

Занимаясь просветительской и издательской деятельностью, Новиков объединил около ста авторов, переводчиков, редакторов, книготорговцев.

Он выпустил в свет труды как русских авторов (Я.Б. Княжнина, А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина), так и известных западных писателей и философов (П. Корнеля, Ж.Б. Мольера, Дж. Свифта, Г. Мабли, Вольтера, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, Д. Дидро и др.). Помимо научной и художественной литературы, в большом количестве выходили учебные книги, азбуки, грамматики, книги для чтения, а также труды по педагогике (Х.В. Геллерта «О

нравственном воспитании детей», Дж. Локка «О воспитании детей», Р. Доели «Учитель, или Всеобщая система воспитания»).

Параллельно шло издание журналов просветительно-философской направленности: «Утренний свет» (с сентября 1777 по август 1780 в Петербурге, а с мая 1779 по 1780 – в Москве), «Московское издание» (1781), «Покоящийся трудолюбец». Издавал Новиков и газету «Московские ведомости». А в качестве журналов-приложений к ней выходили: «Экономический магазин» (1780–1789), «Прибавление к Московским ведомостям» (1783–1784), первый журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789), первый журнал для сельского населения «Городская и деревенская библиотека, или Забавы и удовольствие разума и сердца в праздное время, содержащая в себе как истории и повести нравоучительные и забавные, так и приключения веселые, печальные, смешные и удивительные» (1782–1786).

Одним из редакторов «Детского чтения» был Н.М. Карамзин. Впечатляет богатство и разнообразие тем: кроме нравоучительных повестей, рассказов и театральных пьес, печатались статьи по физике, астрономии, географии и древней истории, биографии и изречения мудрецов древности. При этом журнал имел собственное направление, основанное на любви и гуманизме.

«Утренний свет» явился первым в своем роде нравственно-философским журналом и, как другие новиковские издания, впоследствии был переиздан. Его девиз – «Познай самого себя». Деньги, полученные от этого предприятия, шли на содержание двух училищ – Александровского для мальчиков и Екатерининского для девочек. На страницах журнала появлялась информация об успеваемости учащихся, а также имена меценатов, которые помогали изданию. На средства масонов и на доходы от журналистской и книгоиздательской деятельности при участии Новикова в 1779 году была основана также учительская семинария при Московском университете – первое в России педагогическое учебное заведение.

Этот деятельный человек оказался новатором и еще в одной сфере: в 1779 году он инициировал «Модное ежемесячное издание, или Библиотеку для дамского туалета» – первый женский журнал в России. Издание было начато в Петербурге (с января по апрель), а затем (с мая по декабрь) продолжено в Москве, куда переехал Новиков. Свою цель он определил так: «доставить прекрасному полу в свободные часы приятное чтение, почему и будут в оном помещаться только такие сочинения или переводы, кои приятны или забавны», а также информация «о новых парижских модах». Всего вышло двенадцать книжек с сатирическими иллюстрациями «Щеголиха на гулянье», «Счастливый щеголь», «Убор а-ля белль пуль», «Чепец победы» и т. д.

Крупных работ по общественно-политической проблематике Н.И. Новиков не написал, но много размышлял на эти темы, анализируя в первую очередь природу человека. Подобно французским просветителям, он считал, что в «естественном состоянии» человек был слаб и беззащитен, «скитался в страхе и грубости... спасаясь от жадности себе подобных, от свирепства диких зверей». Сторонник теории «договорной природы государства», он полагал, что «с течением времени опыт показал выгоды нечаянного соединения», так как «после опасного своевольтства следовала, по счастью, всеобщая тишина».

Наиболее приемлемым государственным устройством для России Новиков считал «истинную монархию» во главе с просвещенным монархом, который следует «премудрым законам» и заботится о «народном благе». Только таким образом можно и спокойно править, и обеспечить спокойное преемство своей власти. Напротив, «всякий государь, утверждающий власть свою на неправосудии, скрывает пропасть, которою он или его преемники поглощены будут. Самые великие и жесточайшие возмущения не от чего иного произошли, как от своевольтия и жестокостей государей». Поэтому Новиков и осуждал деспотизм в любых его проявлениях: «Если ж вместо пастыря народного... сделается монарх расхитителем оного, то покорность сему тирану учинится изменою против рода человеческого». В одном из своих

произведений, «Фортуна велика, да ума мало», он рисует ужасные последствия нерадивого правления склонного к роскоши и удовольствиям правителя Давида. По собственной неграмотности, не думая об общественной пользе, он повелел «не мешаться родителям в дела детей, мужьям в дела жен, бедным искать у богатых покровительства и самим собой обид им не делать, впрочем, жить каждому по своей воле: почитать меня... бояться и слушать. Кто сей закон нарушать станет, того лишать жизни, а имение взять на государя». Все эти распоряжения приводят к волнениям, и только смерть монарха спасает народ от разорения.

Впоследствии, разочаровавшись в политике Екатерины II, Новиков стал отходить от идеала «просвещенного самодержавия», склоняясь к идее конституционной монархии, где власть монарха определяется не только его личными добродетелями, но и строгими законами. Много внимания в своих работах он стал уделять проблеме воспитания «добрых граждан», счастливых и полезных отечеству. По убеждению Новикова, «причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства – знание», поэтому целью его жизни стало максимальное распространение просвещения в самом широком смысле этого слова. Он полагал, что «процветание государства и благополучие народа зависит не отменно от доброты нравов, а доброты нравов – не отменно от воспитания». Если в обществе повреждены нравы, то перестают быть добродетельными законодательство, религия, благочиние, науки и искусства. «Стремительная волна разрушений, – размышлял Новиков, – обессилит законы, обезоружит религию, прекращает успех всякой полезной науки и делает искусства рабами глупости и роскоши». Только воспитание – подлинный творец нравов. У воспитанного человека появляется привычка к порядку. На истине и знании основывается его гордость за свой народ. Через воспитание человек получает любовь к простоте «со всеми человекодружескими, общественными и гражданскими добродетелями».

Достижение совершенства в воспитании ведет, по мнению Новикова, к идеальному состоянию общества, и «законы успевают тогда сами собою: религия в величестве своем исполнена простоты, пребывает тем, чем вечно ей быть надлежало, душою всякой добродетели и твердым успокоительным предметом духа». Науки являются настоящим источником выгод для государства, ремесла способствуют украшению жизни. При совершенном воспитании люди всякого сословия с успехом выполняют свои обязанности, отличаются трудолюбием, хорошим ведением хозяйства. Воспитание юношества – необходимая и первая забота правителя страны, каждого отца семейства. И хотя этим занимаются сама императрица и родители, результаты далеки от совершенства. А беспечность и небрежность в таком деле недопустимы; именно из-за недостатка просвещенности и воспитания «нередко бывают худые люди и негодные граждане». Огромные затраты не идут на пользу воспитуемым, ибо деньги часто употребляют на то, чтобы «сообщить им некоторые знания и способности, которыми они могли бы блистать в свете», а воспитанием добродетели пренебрегают, делая «сердце их чувствительным только к малостям или совсем к глупостям или пороку», а не к добру, благородству и величеству. От этого и появляются Безрассуды, Недоумы, Змеяны, Забылчести и др. Основное их занятие – есть, пить и спать. Так, сын одного дворянина из Каширы, писал просветитель, «упражняется в весьма полезных делах для пользы земных обитателей, ибо он взыскивает, может ли боец-гусь победить на поединке лебедя». Мало проку и от обучения дворянских детей за границей: развращенные невежеством и ленью дома, молодые люди, обучаясь там, предаются больше веселью и праздному времяпрепровождению, нежели овладению науками. В своих сатирических ведомостях Н.И. Новиков предлагал желающим обратить внимание на «молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользой, возвратился уже совершенною свиньей».

Писатель попытался ответить на вопрос, какими же должны быть воспитание и образование молодого поколения. В своем трактате «О воспитании и наставлении детей» он отмечал, что оно должно включать в себя как физическое воспитание («дабы дети были здоровы и

имели крепкое телосложение»), так и воспитание нравственное. Ибо человек не может стать «добрым гражданином», если «сердце его волнуется беспорядочными пожеланиями, доводящими его либо до пороков, либо до дурачества, если благополучие ближнего возбуждает в нем зависть, или корыстолюбие заставляя его домогаться чужого имения, или сладострастие обесиливает его тело, или честолюбие и ненависть лишают его душевного покоя, без которого не можно иметь никакого удовольствия». Главная цель воспитания – просвещение или образование разума, которое необходимо человеку для исполнения обязанностей перед обществом и государством. Именно Новиков впервые употребил слово «педагогика», под которым он понимал «особую и важную науку... о воспитании тела, разума и сердца».

Николай Иванович одним из первых обратил особое внимание на ребенка как маленького человека, у которого есть не только обязанность повиноваться старшим: «Оно (дитя. – Н.К.) имеет такие же права, как и мы, с тем только различием, что ему более, нежели нам, нужна чужая помощь». Одним из ошибочных методов воспитания того времени Новиков считал требование беспрекословного подчинения. По его убеждению, основой должно стать формирование личности ребенка как будущего гражданина, полезного для общества и государства: «Воспитайте детей наших не ласкательными невольниками, но свободно и благородно мыслящими человеками, умеющими ценить себя, любящими паче всего истину и не боящимися ее сказать, когда их должность или благо других людей того требует. Верьте, что ни один чистосердечный, честный и откровенный человек не раскаялся еще в том, что он чистосердечен, честен и откровенен, что он враг всякого притворства и ласкательства... ибо худой человек всегда бывает и худой гражданин».

В своей воспитательной программе Новиков выступал против официальной доктрины образования детей. Во-первых, обучать и воспитывать всех детей необходимо одинаково, «без различия состояний». Во-вторых, семейное воспитание играет не меньшую роль, чем общественное. Особенно при этом важен положительный пример родителей: «ничего не действует в младых душах детских сильнее всеобщей власти примера, а между другими примерами ничей другой в них не впечатляется глубже и тверже примера родителей». (Велики, конечно, роль и значение грамотного учителя; более того, истинный учитель должен быть человеком высоких моральных качеств, добронравным и высокопрофессиональным, «иметь ясное и основательное знание тех языков и наук, которые обучать должен».) В-третьих, нужен комплексный подход к обучению детей, который предполагает получение не только теоретических, но и практических знаний.

Н.И. Новиков был ярким противником крепостничества, особо отмечая его бесчеловечность и экономическую нецелесообразность. Он писал, что подавляющее большинство помещиков не заботится о своих крестьянах; в деревнях и в поместьях нет тех идиллических патриархальных отношений, какие представляет официальная пропаганда. Крестьяне – это «питатели России», в то время как помещики (Змеяны, Безрассуды, Злорады и т. п.) – «изверги человечества».

Крепостная система жестко критикуется, например, в «Отрывке путешествия в“* И“* Т***»: «В три дня путешествия ничего не нашел я похвалы достойного. Бедность и рабство повсюду встречались со мной в образе крестьян». Они как «младенцы», которые «спокойно взирают на оковы свои» и требуют только «пропитания... чтобы не отнимали у них жизнь, чтобы не мучили». Помещики же, по мнению автора, «больны мнением, что крестьяне не суть человеки». А ведь помимо того, что это неверно по сути, им даже экономически выгодно заботиться о них: чем богаче крестьяне, тем богаче будет и их хозяин.

Масштабная книгоиздательская деятельность показала не только просветительский и организаторский, но и предпринимательский талант Н.И. Новикова. Работа большой типографии и создание сети книжных магазинов по всей стране требовали обширных хозяйственно-экономических знаний и навыков. Вероятно, именно этим обстоятельством объяс-

няется интерес издателя к вопросам торговли. В начале 1780-х годов в руководимой им типографии вышел ряд сочинений на эту тему: «Историческое описание российской коммерции», «История об английской торговле, мануфактурах, селениях и мореплавании оная в древние, средние, новейшие времена до 1776 года, с достоверным показанием справедливых причин нынешней войны в Северной Америке» и т. д. В своей газете «Московские ведомости» Новиков также стал постоянно публиковать информацию по торгово-экономическим вопросам: вексельный курс, сводки цен на продукты и товары в Москве, а также статьи о торговле в отдельных европейских странах.

В течение нескольких лет (1780–1789) дважды в неделю выходило приложение к «Московским ведомостям» – журнал «Экономический магазин», а в 1783–1784 годах еще и «Прибавление к Московским ведомостям», где много внимания уделялось хозяйственным вопросам, «опытам» в сельском хозяйстве, наставлениям, рецептам, «весьма полезным деревенским жителям». Редактором «Экономического магазина» и его главным автором был агроном А.Т. Болотов; полный комплект журнала составил сорок томов, и первые восемь вскоре были переизданы.

В первом номере «Прибавлений к Московским ведомостям» разъяснялось, что «купечество российское от сих „Прибавлений“ получить может пользу; ибо оно от сего чтения приобретает достаточное сведение о всех продуктах и товарах, в каких местах получить их можно в большом количестве и с большими выгодами перед другими городами». Кроме того, Новиков сам пишет большую программную статью «О торговле вообще», в которой размышляет «о полезном влиянии торговли в благосостояние государства». Судя по тексту, он был знаком с произведениями известных экономистов XVIII века – А. Смита, Рейнтала и др. – и в целом разделял их взгляды. Статья состоит из трех разделов. «В первом будем говорить о происхождении торговли в политических обществах. Во втором определим понятие о торговле, различные рейды ее и учрежденный в оных распорядок. В третьем представим исторически выгодные действия торговли в знатнейших торговых государствах. В четвертом, наконец, покажем то, каким образом торговля, имея влияние во все средства пропитания и в совокупленное с ними упражнение граждан, приводит чрез то благополучие гражданское в государстве в цветущее состояние».

Размышляя о происхождении торговли, автор статьи говорит, что первоначально, в древнем обществе, произошло разделение труда между земледельцами и ремесленниками. Обмен продукции между ними происходил в результате мены, например пропитания на одежду. Постепенно все основные потребности оказались удовлетворенными, но «скоро преступлены были сии пределы» и появилась потребность в роскоши. Все это привело к возникновению денег, что облегчило распространение товаров. Н.И. Новиков одним из первых в России дал определение денег, определив их как «всеобщий масштаб цены товаров и замена всему, что продать можно». Кроме того, посредниками между производителями и потребителями товаров стали купцы. Их функция состояла в том, чтобы приобрести товар, поменяв его на деньги: «Вместо того чтоб суконнику должно было разносить свои сукна ко сту человек, имеющих нужду в оных, дабы получить от них деньги или другие потребности, которые ему надобны или которые должен он равным образом паки променять на другие, вместо всего сего ходит он к купцу, который принимает от него его товары на кредит или за наличные деньги гуртом и продает опять свои припасы порознь употребляющим оные».

Во втором разделе Новиков рассуждает о природе торговли в целом. Под торговлей он понимает «упражнение, имеющее предметом выгодную мену всех потребностей». Суть любой торговли, по его мнению, в том, чтобы рано или поздно получить прибыль. Третий раздел статьи посвящен выгоде «торгующих народов». На примере истории европейских и азиатских стран автор доказывал, что процветание многих государств было обусловлено активной внешнеторговой деятельностью. Наконец, в четвертой части подробно проанализировано, каким

образом торговля «действует на благополучие государства». По мнению Новикова, «всеобщее действие или следствие торговли в отношении государства» заключается: «1) в произведении кредита, 2) обращения денег, 3) относительного богатства; 4) в умножении процветания прилежания и 5) государственной экономии; 6) в роскоши; 7) во нравственном просвещении и утончении; 8) в упражнении граждан; 9) в умножении народа и 10) в свободе». Таким образом, для того чтобы торговля действительно приносила прибыль государству, необходимо создать соответствующие условия: систему банков и кредитов, урегулированную внутреннюю и внешнюю торговлю. Новиков указывал, что следует развивать торговлю теми товарами, которыми богата страна: «в государстве, где граждане упражняются в земледелии, нужно привести в процветание сию ветвь торговли», как это делается в европейских странах. При этом он подчеркивал, что любая роскошь вредна государству, так как ведет к разорению.

Кроме вопросов собственно хозяйственных, Новикова занимает также вопрос о наилучшей системе управления экономикой, необходимой для процветания торговли. По его словам, налоги в государстве должны быть соразмерны доходам, в противном случае население разорится. В целом он на различных примерах прославлял «торговые республики»; это позволяет говорить, что к 1780-м годам идеалом правления для него стала именно республика, где опорой служит разумно устроенная экономическая система.

Будучи видным масоном и одним из организаторов ложи «Гармония», идеологом масонства Н.И. Новиков не являлся. Возможности масонских лож, главным образом финансовые, он использовал для просветительской и издательской деятельности. Тем не менее масонские учения, прежде всего мартинизм, оказали влияние на его религиозно-нравственное мировоззрение. Новиков считал, что истинное масонство – в просвещении, к которому можно прийти «стежями христианского нравоучения»; однако современные люди «забыли истинное христианство», заменив Христа золотом и плотскими удовольствиями. Вернуться же к Богу можно только через любовь и обретение Христа внутри самого себя: «Древние прекрасно сие изъясняли; они даже в человеке находили извлечение из трех миров и учили, что человек состоит из тела, души и духа. Отсюда произошло то, что они поставляли надпись над дверьми храма: Познай себя». Поэтому внутреннее счастье человека заключается только в совершенстве его духа, и то, что нельзя понять с помощью разума, доступно пониманию с помощью чувств.

В последнем своем журнале «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785) Новиков спрашивал читателя: «Почему кто старается уменьшить силу разума с тем намерением, чтобы возвысить откровение, тот уменьшает свет обоих и как бы лишает человека очей, для того чтобы удобным посредством телескопа приблизить вдаль простирающиеся лучи невидимой планеты?» По его мнению, официальную церковь больше заботит внешнее проявление благочестия, а не совершенство духа. Поэтому своей жизненной задачей писатель считал просвещение и исправление заблуждений народа в духе «истинного христианства».

В 1789 году Н.И. Новиков не смог продлить аренду университетской типографии, а в 1791-м вынужден был полностью прекратить работу Типографической компании. В апреле 1792 года против Новикова и других масонов началось следствие, которое закончилось обвинением в «гнусном расколе», корыстных обманах, сношениях с герцогом Брауншвейгским и другими иностранцами, 1 августа 1792 года императрица подписала указ о заключении Новикова в Шлиссельбургскую крепость на пятнадцать лет. Он содержался в нижнем этаже тюрьмы, в камере № 9, вместе со слугой и врачом. А в 1796 году, уже при Павле I, был освобожден. Как писал потом Н.М. Карамзин, «император Павел в самый первый день своего восшествия на престол освободил Новикова, сидевшего около четырех лет в душной темнице; призывал его к себе в кабинет, обещал ему свою милость, как невинному страдальцу, и приказал возвратить конфискованное имение... несожженные книги».

Формально с Новикова были сняты все обвинения, однако разрешения продолжать издательское дело он не получил. Разоренный и больной, он провел последние годы жизни в Тих-

винском-Авдотьиной, лишь изредка посещая Москву. В 1805 году Николай Иванович пытался вернуться к книгоиздательской деятельности и вновь взять в аренду Московскую университетскую типографию, но это ему не удалось. После этого к общественной жизни он уже не возвращался и основал в своем селе суконную фабрику, заняв деньги в Опекунском совете с обещанием «пособия и подкрепления со стороны правительства». Правда, дела шли не очень успешно, и Новиков постоянно нуждался. Несмотря на все свалившиеся на него невзгоды, он вел активную переписку (с А.Ф. Лабзиным, Д.П. Руничем и др.), с его мнением продолжали считаться. Карамзин, например, отправил в подарок Новикову свои сочинения, с просьбой высказать о них свое мнение.

Общественно-политическая и издательская деятельность Н.И. Новикова оказала большое влияние на общественное мнение России конца XVIII – начала XIX века. Так, его журнал «Живописец», пользуясь большой популярностью у читателей, выдержал пять переизданий. Даже князь А.А. Прозоровский, который курировал следственное дело Новикова как московский генерал-губернатор, написал о нем в письме: «лукав до бесконечности, бессовестен и смел, и дерзок». В.О. Ключевский так объяснял популярность этого общественного деятеля: он думал, что «удобнее кроить платье по плечу, чем выламывать плечо под платье», как порой предлагала верховная власть. А В.Г. Белинский, оценивая вклад Новикова в развитие культуры и образования в России, писал: «Этот человек, столь мало у нас известный и оцененный (по причине почти совершенного отсутствия публичности), имел сильное влияние на движение русской литературы и, следовательно, русской образованности... Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстью – развивать свет образования в своем Отечестве».

«Не под царем, а рядом с ним...» Александр Романович Воронцов

Нина Минаева

Граф Александр Романович Воронцов (1741–1805) – один из крупных государственных деятелей Российской империи рубежа XVIII–XIX веков, оставивших значительный след в истории модернизации страны. Дипломат, меценат, собиратель редких рукописей, художественных и исторических ценностей, он слыл известным «вольтерьянцем». Его усилиями собрана богатейшая Вольтеровская библиотека. Воронцов был почитателем, корреспондентом и русским переводчиком Вольтера: в «Автобиографии», написанной в 1805 году, в самом конце жизни, он поделился мыслями о причинах своего увлечения и о важности распространения идей французского философа в русском образованном обществе.

В архиве Воронцовых хранятся тексты политических памфлетов, среди которых имеется уникальный документ – «Всемиловейшая Жалованная Грамота, российскому народу жалуемая» (1801). По существу, это Конституция, вторая в истории русской конституционной мысли, после Конституции Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина XVIII века. Грамота была создана в качестве Правительственного Манифеста к воцарению нового императора Александра Павловича Романова, но так и не увидела свет.

Воронцовы – древний русский дворянский род, ведущий свое начало от легендарного Симона Африкановича, выехавшего из варяжской земли в Киев в 1027 году. Непосредственный основатель рода – Федор Васильевич Воронцов (около 1400). С половины XV и до конца XVII века Воронцовы служили воеводами, стряпчими стольниками, окольными и боярами. Михаил Илларионович Воронцов, генерал-поручик, в 1740-м был пожалован в графское достоинство императором Священной Римской империи (австрийским эрцгерцогом), тем самым, который вел войны за Испанское наследство. М.И. Воронцову дозволено было и в России пользоваться этим титулом. В 1741 году он – участник переворота и ареста правительства Анны Леопольдовны. При дворе Елизаветы Петровны Михаил Илларионович – камер-юнкер; служил он ей и пером, которым хорошо владел. Императрица пожаловала его камергером и наградила богатыми поместьями за поддержку при восхождении на российский престол. Женился Михаил Илларионович на ее двоюродной сестре – А.К. Скавронской, был близок ко двору, получил пост вице-канцлера, а после отставки А.П. Бестужева-Рюмина занимал в 1758–1762 годах пост канцлера Российской империи.

И братья Михаила Воронцова – старший Роман и младший Иван – были обласканы Елизаветой Петровной. А в 1760 году Франц I, основатель австрийской династии Габсбургов и последний император Священной Римской империи, Роману и Ивану Воронцовым также даровал графское достоинство, которое, однако, было признано в России только в 1797-м, т. е. уже при императоре Павле.

Роман Воронцов – генерал-поручик и сенатор при Елизавете Петровне, генерал-аншеф при Петре III – при Екатерине II попал в опалу. Правда, позже получил от нее место наместника Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний. Его дети, все четверо, заслужили громкую славу. Старшая дочь, Елизавета Романовна, была фавориткой Петра III и позже, при императрице Екатерине, поплатилась за это. Младшая, Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова, напротив, поддержала великую княгиню Екатерину Алексеевну и позже получила пост президента Российской академии наук. Семен Романович Воронцов – известный дипломат, был русским послом в Венеции и Лондоне. Англоман и ярый сторонник Конституции, он отличался политическими симпатиями к английской парламентарной монархии. Его сын, Михаил

Семенович, участвовал в Кавказской и Русско-турецкой войнах, в Отечественной войне 1812 года, заграничных походах русской армии. За заслуги получил титул светлейшего князя и в 1823 году – пост новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. В 1844–1854 годах занимал пост наместника на Кавказе с неограниченными полномочиями.

Александр Романович Воронцов, старший сын деспотичного Романа Илларионовича и племянник елизаветинского канцлера Михаила Илларионовича, родился 15 сентября 1741 года. Он получил блестящее европейское образование. Учился во Франции, сначала в Страсбургском военном училище; побывал в Париже, где завязал знакомство с энциклопедистами. Жил в Италии, Испании, Португалии. Во время поездки в Испанию составил для дяди-канцлера Михаила Илларионовича «Описание испанского Управления». Потом снова вернулся во Францию, в Версаль, где продолжил образование в Рейтарской школе. Изящную словесность в этом учебном заведении преподавал бывший секретарь самого Вольтера – месье Арну. Воронцов не только прослушал его курс, но и стал брать у него частные уроки. С самим Вольтером он познакомился в Швейцарии в 1757 году, при дворе пфальцграфа в Шветцингене. Эта дружба затянулась на долгие годы; он переписывался с мэтром до конца его жизни, посещал его в поместье Ферней.

В графском архиве сохраняется целый том – «Воронцовский сборник писем Вольтера». И это не было модным увлечением и декларацией, как, например, у императрицы Екатерины II, чье увлечение французскими просветителями А.И. Герцен назвал «чернильным кокетством». Графы Воронцовы действительно возглавили «русское вольтерьянство» – своеобразное просветительское общественное течение.

В 1760 году А.Р. Воронцов был пожалован титулом графа. С 1761 года служил поверенным в делах России в Вене; в 1762–1764 годах был полномочным министром в Лондоне; в 1764–1768 – в Гааге. С 1773 года он – председатель Коммерц-коллегии, с 1779-го – сенатор. Летом 1788 года, в канун революции во Франции, когда явственно ощущалось общественное неблагополучие в стране (массовое бегство крестьян с насиженных мест, повсеместный опустошительный неурожай в провинциях, голод в Париже), Воронцовы присоединили свой голос к тем, кто осуждал абсолютную монархию во главе с Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой. В письме к брату Александру Семен Воронцов рисовал картину распада французских верхов: «Король – глуп, королева – интриганка, без талантов и без твердости, столь же всеми ненавидимая, как ее муж презираем... Французское дворянство деморализовано, разночинцы, третье сословие поднимают головы, но народ всюду невежественен».

Сопоставляя положение в России и во Франции, братья Воронцовы видели многие общие черты загнивания абсолютизма. Но они были далеки от того, чтобы приветствовать революцию, – сословная принадлежность к аристократии оказалась фактором определяющим. В «Записке к графу А.А. Безбородко» по поводу событий 1791 года во Франции Александр Романович писал: «Сей перелом во Французской конституции и все то, что им опрокинуто, заслуживает особого внимания государей, дворянства». Отмена революционным правительством Франции сословных привилегий дворянства, ограничение власти короля цензовой конституцией 1791 года – все эти нововведения Учредительного собрания вызвали и у автора записки, и у Безбородко резкий протест. Эта позиция близка позициям французского либерального дворянства.

В то время сам граф Александр Воронцов предлагал вполне определенную программу действий, созвучную Пильницкой декларации 27 августа 1791 года. (Этот австро-прусский дипломатический документ, подписанный в замке Пильниц в Саксонии, положил начало антифранцузской коалиции, направленной против революционной Франции.) Он призывал канцлера А.А. Безбородко содействовать вступлению России в антифранцузскую коалицию монархических правительств Австрии и Пруссии: «Нужно было бы государям между собой согласиться и по мере могущества, а особливо локального положения каждого государства силе

неистовством преграду сделать». В этом документе Александр Воронцов обращается ко всем монархам Европы с призывом издать специальную декларацию, направленную против Французской революции; консолидироваться с венским и иными дворами по охране королевской семьи Людовика XVI; покровительствовать королевской партии и разорвать дипломатические отношения с революционной Францией. Его позиция свидетельствует о полной неприемлемости для него революционных крайностей, опасных и для других европейских стран: «Если сей образ правления и мнимого равенства хоть тень окоренелости во Франции примет, оно будет иметь пагубные последствия и для прочих государств, с тою только разностию, что в одном ранее, в другом позже».

Осуждение Воронцовыми революции еще более обострилось после казни 21 января 1793 года Людовика XVI. «Лучше быть соседями антропофагов, чем ужасной французской республики... Лучше жить в Марокко, чем в этой стране мнимого равенства и свободы», – восклицал в сердцах Семен Романович.

Весь набор политических документов конца XVIII – начала XIX века, принадлежащих перу братьев Воронцовых, свидетельствует об их стремлении создать целостную программу борьбы с революциями. Однако их политическая позиция резко отличалась от официального курса абсолютизма и представляла собой довольно стройную программу модернизации России в рамках закона и современного им понимания политического прогресса.

Сохранилось много материалов, подтверждающих тесные контакты и даже искреннюю дружбу между Александром Романовичем Воронцовым и Александром Николаевичем Радищевым. Более того, некоторые автографы писателя несут на себе след правки и замечаний его патрона и покровителя – с 1776 года Радищев служил чиновником Коммерц-коллегии, председателем которой был Воронцов. Их многолетняя переписка не прервалась даже в годы гонения Радищева. Уже после осуждения Радищева как «политического преступника» Воронцов выразил сочувствие ему и даже симпатию в письме к брату Семену Романовичу в Лондон: «Я не знаю ничего более тяжелого, как потеря друга, в особенности когда не распространяешь широко свои связи... Я только что потерял, правда, в гражданском смысле, человека, пользовавшегося уважением двора и обладавшего наилучшими способностями для государственной службы. Его предполагалось назначить вместо г-на Даля, и на этом поприще его помощь мне была велика. Это господин Радищев; Вы несколько раз видели его у меня, но я не уверен, что вы хорошо знали друг друга. Кроме того, он исключительно замкнут последние семь или восемь лет. Я не думаю, чтобы его можно заменить; это очень печально. Не был ли он вовлечен в какую-то организацию? Но что меня, однако, более всего удивило, когда случившееся с ним событие стало широко известно, это то, что я в течение долгого времени считал его умеренным, трезвым и абсолютно ни в чем не заинтересованным, хорошим сыном и превосходным гражданином... Он только что выпустил книгу под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“. Это произведение якобы имело тон Мирабо и всех бешеных Франции».

За приведенным выше письмом брату следует длинная цепь переписки А.Р. Воронцова с губернаторами тех городов, через которые пролегал путь политического ссыльного. Граф просит их оказать содействие Александру Николаевичу, дать ему возможность пожить в каждом городе по дороге в Сибирь, лучше устроить. Обращает на себя внимание и его переписка с братом Радищева – Моисеем Николаевичем, который жил в Архангельске. К нему были отправлены сыновья ссыльного – Николай и Павел; Воронцов следит за их судьбой, поддерживая и словом, и делом.

Александр Романович интересовался бумагами Радищева и тщательно сохранял их до его возвращения. Из переписки графа со ссыльным писателем следует, что он хорошо знал содержание крамольного «Путешествия».

Несомненный интерес представляет сохранившийся в рукописном собрании А.Р. Воронцова «Разбор книги „Путешествие из Петербурга в Москву“, сделанный императрицей Екате-

риной». Похоже, внимательный анализ екатерининского «Разбора» важен Воронцову не только для защиты Радищева, но и для прямого оппонирования императрице.

На одной из первых страниц «Разбора» написано: «На каждом листе видно, сочинитель... наполнен и заражен французскими заблуждениями, ищет всячески и защищает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальств». Воронцов на полях рукописи Екатерины помечает, что «Путешествие» писалось до развития бурных революционных событий во Франции. Разбирая комментарии Радищева к положению крепостных крестьян, императрица пишет: «Страницы 126–133 служат к описанию зверского обхождения помещика со крестьянами – суетное умствование...» Но и здесь Воронцов, сам крупный землевладелец, не может с ней согласиться. Граф подчеркивает такие слова Радищева: «Он был царь. Скажи, в чьей голове может быть больше несообразности, если не в царской?» Екатерина резко отреагировала в «Разборе» на эту реплику: «Сочинитель не любит царей и где может к ним убавить любви и почтения, тут жадно прицепляется с редкой смелостью». Воронцов же, судя по пометкам, согласен с радищевской оценкой абсолютизма; впоследствии он не раз выдвигал собственные предложения об ограничении абсолютной власти монарха в России представительным Сенатом.

Связь Воронцова с Радищевым не ослабела и после возвращения писателя из ссылки. С 1794 года граф находился в отставке, но в 1801-м, уже при императоре Александре, снова вернулся на государственную службу. Тогда же, по рекомендации своего покровителя, Радищев получил место в Комиссии составления Законов. Здесь им были подготовлены законодательные акты, включающие положения об узаконении крестьянской частной собственности на движимое и недвижимое имущество, а также положения о неприкосновенности личности, основанные на известном английском законодательном акте XVII века «Habeas corpus act». Положения этого источника часто использовались и самим Александром Романовичем.

Как было сказано выше, в 1801 году граф подготовил документ, известный как «Всемилоостивейшая Жалованная Грамота, российскому народу жалуемая». Текст родился из нескольких предварительных «политических записок о Сенате», который братья Воронцовы предполагали превратить в представительный орган власти, модернизировав таким образом самодержавную империю в конституционную монархию, близкую по форме к английской политической системе. Однако в момент воцарения Александра 1, 12 марта 1801 года, уже подготовленная в качестве царского Манифеста «Жалованная Грамота» так и не была обнародована. Вместо этого высокопоставленный чиновник Д.П. Трошинский за одну ночь составил традиционный Манифест, в котором молодой император обещал править «по уму и сердцу своей великой бабки Екатерины Великой». Огорченный граф Воронцов продолжил работу над «Грамотой», не теряя надежды со временем дать ей ход. Окончательную правку он закончил к августу – ведь в сентябре намечалась коронация в Успенском соборе Московского Кремля. Опираясь на своих сторонников, Александр Романович предложил «Грамоту» в качестве коронационного Манифеста. Но и эта его попытка не увенчалась успехом.

Третья попытка относится к периоду деятельности так называемого Негласного Комитета, состоящего из близких соратников молодого царя. А.Р. Воронцову удалось расположить в пользу документа двух влиятельных членов Комитета – Н.Н. Новосильцева и В.П. Кочубея. Те, зная о нелюбви императора к вельможе Воронцову, взялись составить краткий доклад – «Articles» – по основным положениям «Грамоты» и представить его как собственное политическое новшество. Но они недооценили подозрительного, осторожного и неуверенного в себе Александра Павловича. «Articles» не прошли даже сам «Негласный Комитет», как, впрочем, и многие другие реформаторские проекты, предложенные на рассмотрение этого странного «теневого» правительственного института.

«Жалованная Грамота» составлена в либерально-дворянском духе, и ее центральным принципом была защита свободы личности – краеугольное положение европейского буржу-

азного законодательства. В ее более подробной, второй редакции (август – сентябрь 1801), в полном соответствии с английским «Habeas corpus act», говорилось: «Если кто будет взят под стражу и посажен в тюрьму, или задержан где насильственным образом, и если в течение трех дней не будет ему объявлено о причине, для которой он взят под стражу, посажен в тюрьму или задержан, и если в сей трехдневный срок он не будет представлен перед законный суд, для учинения ему допроса и для произведения над ним суда, то по единственному его требованию свободы от ближайшего начальства да освободится непременно в тот час, ибо преступление его неизвестно, а потому в законе еще не существует». Освобожденный таким образом «может произвести иск на взявшего его под стражу, или посадившего его в тюрьму, или давшего на то повеление, в оскорблении личной безопасности и убытках, и сей повинен ответствовать в суде в произведенном на него иске».

Основной текст «Грамоты», безусловно, составлен А.Р. Воронцовым (это подтверждается данными протоколов «Негласного Комитета», которые вел П.А. Строганов), но в ней есть положения, которые доказывают причастность к авторству и А.Н. Радищева. Впервые это заметили литературоведы и филологи, нашедшие параллели между параграфами «Грамоты» о положении крестьян и такими радищевскими сочинениями, как «Путешествие из Петербурга в Москву» и более позднее «Описание моего владения».

Итак, император отверг «Жалованную Грамоту» в марте 1801 года, а затем, в сентябре, не решился обнародовать ее в качестве Манифеста во время коронации в Москве; документ снова прибыл в Петербург – с царской пометой «в Архив». Но в это время в канцелярии Александра I уже трудился Михаил Михайлович Сперанский. О несомненной его причастности к «Грамоте» свидетельствуют ремарки на полях «Второй редакции». Как это произошло? Вероятно, Трощинский, получив «Грамоту» в Непременный совет, передал ее статс-секретарю Сперанскому, в 1802 году служившему под его началом. Тот, заинтересовавшись документом и будучи уверенным, что теперь он будет храниться в Государственном архиве до лучших времен, взял на себя смелость добавить в содержание 25-го параграфа свои мысли – карандашная вставка сделана его рукой. Этот параграф утверждает «право частной собственности во всех ее видах и отношениях», упраздняя деление имущества на родовое и благоприобретенное. Сперанский карандашом приписывает: «Желая утвердить право частной собственности во всех ее видах и отношениях, мы отступаем от права, казне присвоенного, на имение последних».

Столь же заинтересованно статс-секретарь отнесся и к перечислению форм крестьянской собственности в том же, 25-м параграфе «Грамоты»: «Сия собственность движимая (орудия пахотные и все то, что принадлежит до его ремесла, как то: соха, плуг, борона, лошади, волы), будучи единая только по нашим законам предоставленная крестьянину (ибо самоличная или недвижимая не суть принадлежащая его сану), – должна тем паче ему так утверждена быть, чтобы никаким образом он не мог оной лишиться, ни казною, за долг податей, ни господином своим».

В свое время к «Жалованной Грамоте» было приложено добавление – «Соображения и замечания к пунктам, предназначенные для составления указа или манифеста о привилегиях, вольностях и т. д.». В этом документе, написанном, по-видимому, главным автором – графом Александром Воронцовым, определены принципы, по которым в дальнейшем следует развивать положение «о поселянах»: предоставление государственным и помещичьим крестьянам права приобретать ненаселенные земли, оформляя купчие на свое собственное имя; расширение круга «движимой собственности» за счет «сельскохозяйственных строений». В дворянские собрания не допускаются дворяне, замеченные в тиранстве по отношению к своим крестьянам и т. д. Введение в «Грамоту» параграфов о крестьянской собственности и некотором правовом статусе помещичьих крестьян придает этому документу особенно новаторский оттенок.

Никаких следов рассмотрения правительством этого, по существу нового, расширенного и дополненного варианта не найдено. Император Александр I не удостоил вниманием

документ, вобравший интеллектуальные усилия графа Александра Воронцова, редактуру А.Н. Радищева и М.М. Сперанского, участие крупных сановников: Н.Н. Новосильцева, В.П. Кочубея и, возможно, Адама Чарторыйского.

Анализ текста «Жалованной Грамоты» убеждает, что этот документ отражает ту идеологическую позицию, на которой попытались объединиться ведущие политические силы самого начала XIX столетия: дворянско-олигархическое, просветительское и дворянско-радикальное течения общественной мысли. Противодействующей силой оставался самодержавно-крепостнический стан; его возглавлял сам император Александр Павлович, испытывавший при этом мучительные колебания переходной эпохи рубежа веков.

В ноябре 1801 года, перед получением почетной должности канцлера (Воронцов занял ее в декабре), Александр Романович выступил с новой инициативой – политическим памфлетом «Записка о России в начале нынешнего века». В подлиннике после заглавия значится: «Из села Андреевского Владимирской губернии» (там автор «Записки» находился во время опалы при Павле и в первые месяцы воцарения наследника). Назначение документа определяет помета Семена Романовича: «Эта памятная записка моего брата императору Александру!».

Стремясь расширить социальную основу монархии в России, граф определяет роль дворянства в условиях нарастающей революционной опасности в Европе. Дворянство наступившего века, в его понимании, – это политическая и культурная сила, с которой нельзя обращаться петровскими методами. Новая роль сословия не позволяет ему быть «под царем», а заставляет встать «рядом с ним». Александр Романович связывал эту новую роль дворянства как советника и сотрудника государя – с новой ролью Сената, должного стать органом представительства дворянства.

А.Р. Воронцов мотивировал необходимость обновления системы управления территориальными приобретениями России к началу XIX столетия: «Столь пространственное государство, каково здешнее, не может в целости оставаться, как под царствованием Государя с большею властью и способами». Из этого утверждения выводится необходимость поднять авторитет Сената, который «пока обращен в большую ничтожность». Непосредственным органом управления должен стать «Непременный Совет», превращенный из недееспособного института в законосовещательный орган при императоре. Ему подлежат дела военные, морские, дипломатические, внутреннего хозяйства: «В Совете все департаментские дела докладываются в присутствии государя... Так Советы во всех монархических порядочных правлениях устроены бывают». Чтобы обосновать свою точку зрения, автор «Записки» прибегает к авторитету европейской политической мысли и европейского общественного мнения: «И Европа увидит, что значит Россия, когда она под порядочным и осторожным правлением находится».

Мысль о создании законосовещательного органа находим и в другом документе – «Записке о царствовании Петра III, Екатерины II и вступлении Александра». Развивая положение о Государственном совете, Воронцов мотивирует нецелесообразность государственной реформы морально-нравственными нормами, пространно говорит о совести императора, о его ответственности перед историей, ссылаясь на уроки прошлого. Путь заговора, дворцового переворота, к которому прибегла Екатерина II, «заклучал в себе многие неудобства, кои имели влияние на все ее царствование». Вопрос о Сенате в этой «Записке» также не получил еще пространного развития, хотя вся аргументация подводит к тому, чтобы наделить его чрезвычайными, отличными от прежних, полномочиями.

Мысли о реформе Сената, постоянно присутствующие в бумагах Воронцова, в основном связаны с работой «Негласного Комитета», протоколы которого аккуратнейшим образом вел П.А. Строганов. Формально этот орган просуществовал два с лишним года (24 июня 1801 – 9 ноября 1803); всего было проведено около сорока заседаний. С 12 мая 1802 года по 26 октября 1803-го «Комитет» не собирался ни разу. Наиболее активным стал период с 24 июня 1801-го по 12 мая 1802-го, т. е. неполный год. В «Комитете» обсуждались самые разнообразные

темы: отношение к иностранным державам, вопрос о Грузии, о тайной полиции, Московском университете, казаках, военном образовании. И в этом калейдоскопе поверхностно затронутых тем настойчиво поднимался вопрос о Сенате: он обсуждался на восьми заседаниях из сорока.

Из протоколов следует, что расширение прав Сената явилось предметом подробного обсуждения 5 августа 1801 года. Как известно, 5 июля Александр I издал Указ, подтверждающий прежние права Сената, и тем не менее спустя два месяца этот вопрос был снова поднят. Доклады делали сенаторы Г.Р. Державин и А.Р. Воронцов. Судя по всему, император остался непреклонным.

В архиве А.Р. Воронцова найден документ, на основе которого сам Александр Романович выступал в «Негласном Комитете». Это «Мнение о правилах и преимуществах Сената»; документ датирован 19 июня 1800 года; в нем приведены также соображения сенаторов П.В. Завадовского и Г.Р. Державина. Завадовский лаконичен и традиционен: следует оставить все по-старому, восстановить прежнее положение Сената; деятельность Александра I он сравнивает с деятельностью Петра Великого. Более развернуто и обоснованно мнение Державина. Он по-своему раскрывает понятие «общественного блага», которое определяется «просвещенным монархом»: «Петр Великий понимал „общественное благо“ таким образом, чтобы образовать для России „политическое бытие, установя суды нижние и верхние, а над ними – Сенат (Указ 1718 года, декабря 22 дня)“». Но, по мнению Державина, к началу XIX века положение изменилось: «Империя не в том уже нравственном и политическом положении, каким оно было во времена прошедшие... В самодержавном правлении все власти предполагаются в едином лице Государя. А всякий таковой единоначальный властитель или самодержец, не Бог, или, как сам он сказал (Александр I. – Н.М.), не ангел». Так, иносказательно, но Державин поддержал Воронцова в его намерении ограничить Сенатом всевластие монарха.

Обсуждение вопроса о Сенате в «Негласном Комитете» и воронцовский документ обнаруживают много общего. Но главный доклад на эту тему в «Комитете» делал Новосильцев. Строганов пишет в своем протоколе: «Доклад Новосильцева строился на принципах, которыми мы руководствовались в нашем Комитете, а потом почерпая в отдельных мнениях сенаторов то, что было в них лучшего». Лишь некоторые положения из документов Воронцова попали в круг обсуждаемых; другие серьезно видоизменились. В ходе обсуждения было решено слить все целесообразные идеи в некий «Ордонанс».

Главное предложение графа Воронцова (предоставить Сенату законодательную инициативу) встретило со стороны Новосильцева резкий протест. Он брал контраргументы в истории организации петровского Сената, пугал возникновением нарастающих противоречий между верховной властью и ее службами. Он соглашался лишь на предоставление Сенату судебной функции. В протоколах «Негласного Комитета» имеется также весьма любопытное примечание о чтении самим Александром I «Мемории Воронцова о пределах, которые необходимо положить произвольной власти». Судя по записям Строганова, Александр Романович с его идеей «внести всю власть в Сенат» был слишком радикален, «не подумав, что ему следует предоставить одну судебную власть и ничего больше».

Новое заседание «Негласного Комитета» проходило в Москве в доме П.А. Строганова и сентября все того же, 1801 года. Император, как обычно, демонстрировал присущую ему игру в либеральную фразу. Строганов и Новосильцев отстаивали преимущества единоличной власти. Им, безусловным поклонникам самодержавия, понадобилось прибегнуть к авторитету старого наставника императора, Цезаря Лагарпа, чтобы отрезвить молодого царя. Строганов записывает: «Прежде всего, мы убеждали императора, что наша точка зрения совпадает с точкой зрения Лагарпа по этому вопросу и что его принципы находят подтверждение в наших». На это царь отвечал: «Да, Лагарп не хочет, чтобы я отказался от власти», – выдавая свою истинную позицию сторонника единоличного правления.

Вопрос о Сенате возник еще раз на заседании 9 декабря 1801 года. Из доклада графа Воронцова и сенатора Зубова выделили проблему законодательной компетенции Сената, вновь подвергнув ее разбору и отклонению. Здравой признали лишь идею Воронцова составить свод всех действующих узаконений о Сенате.

Следующий важнейший документ графа о политическом значении Сената датируется 3 мая 1802 года – это уже то время, когда Александр Романович занял пост канцлера Российской империи. Документ именуется «О внутреннем положении России». Его автор задается целью разработать проект, «важный во всяком самодержавном правлении: каким образом, не разделяя власти по существу ее, так разделить ее по разным частям государственного управления, чтобы каждая из них имела свое постоянное движение и все бы соединялись в одном средоточии, в особе государя». набросок этой мысли в дальнейшем будет развит М.М. Сперанским в его «Плане государственного преобразования».

В записке «О внутреннем положении России» предложено наделить Сенат функциями верховного правления, где бы соединялись «все части внутреннего государственного управления». Он выступает с инициативой ввести следующие положения в готовящийся указ: «Повысить авторитет

Сената предоставлением сенатору права высказывать свое особое мнение, подобно тому как несогласие генерал-прокурора может остановить решение дела... По разномыслию сему дела из департаментов могли переходить в общее собрание Сената, а из оно, если в нем несогласно решены будут, к государю». В этой же «Записке» Воронцов наделяет Сенат чрезвычайными полномочиями, близкими к решающему законодательному голосу: «Я смею надеяться на предоставление сенатору права вето, – что случаи сии будут редки и государь не будет обременен ими. Но, если по неодолимым причинам необходимо будет большинство голосов, по крайней мере нужно ограничить его степени двумя третями или другим образом». Из этого положения следует, что Воронцов предлагает дать Сенату право «суппенсивного вето», ограниченного двумя третями голосов в проведении нового законопроекта.

Объясняя необходимость наделить Сенат законодательными функциями, Александр Романович ссылается на хорошо ему известный пример Англии. Мажоритарное вето, предусматривающее большинство голосов при обсуждении законопроекта в английском парламенте, используется им как доказательство целесообразности введения элементов западноевропейского права: «Большинство голосов имеется в камерах английского парламента, в прежнем французском парламенте... Сенат должен быть блюстителем закона во всем государстве». Эти идеи графа А.Р. Воронцова нашли затем свое продолжение в законодательных проектах М.М. Сперанского, а также адмирала и сенатора Н.С. Мордвинова.

Но не только конституционные проекты занимали в первые годы XIX века российского канцлера. Менялась внутривнутриполитическая обстановка в Европе: резкое усиление наполеоновской Франции заставляло Россию искать сближения с Англией и Австрией. Старые англофилы Воронцовы немало способствовали разрыву русского императора с Наполеоном в 1804 году. В конце 1804-го престарелый граф Александр Романович Воронцов покинул пост канцлера Российской империи. Скончался он 4 декабря 1805 года.

«Кто исполнил долг свой... того несправедливость людская возмутить не может...» Екатерина Романовна Дашкова

Надежда Коршунова

Перелистывая страницы отечественной истории XVIII–XIX веков, найдешь не много женских образов, равных Екатерине Романовне Дашковой. Наделенная от природы умом и талантами, она сумела развить их, посвятить служению отечеству, оставив неизгладимый след в памяти поколений. Ее биография больше похожа на «мужскую»: участие в перевороте, решение финансовых проблем семьи, государственная служба и общественная деятельность, опала, горячие споры о роли ее личности уже среди современников. Все это с непревзойденным упорством и мужеством вынесли хрупкие женские плечи. Тем интереснее ее жизнь и судьба. Рождение, первые годы жизни, замужество, знакомство с Екатериной II, тогда еще «просто» супругой наследника, – все эти, казалось бы, обычные факты биографии, описанные самой Дашковой в своих мемуарах, со временем обросли легендами.

Екатерина Романовна Дашкова, урожденная Воронцова, родилась 17 марта 1743 года в Санкт-Петербурге: в мемуарах она «убавила» себе год, однако точная дата не единожды встречается в служебных документах статс-дамы. Родителями Дашковой были Марфа Ивановна Сурнина и Роман Илларионович Воронцов. Гордившаяся древностью своего рода, Екатерина Романовна редко писала о матери, хотя именно благодаря ее близости с императрицей Елизаветой Петровной, которую она ссужала деньгами, их семья оказалась близка ко двору.

Марфа Ивановна умерла 19 апреля 1745 года, оставив пятерых детей: Марию (1738 г.р.), Елизавету (1739), Александра (1741), Екатерину (1743) и Семена (1744). Старших сестер определили фрейлинами: Марию – к Елизавете Петровне, а Елизавету – к Екатерине Алексеевне, жене наследника. Александра взял на воспитание брат Романа Илларионовича Михаил Илларионович Воронцов, будущий канцлер. Екатерина до четырех лет находилась на попечении бабушки по материнской линии Феодосии Артемьевны Сурниной. Поговаривали, что причина этого решения крылась в подозрении, что отцом Екатерины был не Воронцов, а Никита Иванович Панин, чем и объясняется желание отца отправить Дашкову к бабушке по материнской линии, в то время как остальные дети были пристроены к членам семьи по отцовской линии. Правда это или сплетни – не так важно, но это явно наложило свой отпечаток на характер Екатерины Романовны и способствовало ее желанию доказать, что она не хуже других.

В четыре года Дашкова была передана «в менее ласковые руки» – в дом своего дяди, Михаила Илларионовича Воронцова, который взял ее в «компаньонки» к своей единственной дочери Анне. Канцлер М.И. Воронцов, как мог, заботился о девочках и постарался дать им лучшее по тем временам образование. Однако Екатерина лишилась заботы любящей бабушки, попав к тому же на положение «младшей родственницы», которую не сочли нужным определить ко двору, как ее сестер. Она начала читать книги, благо М.И. Воронцов располагал большой библиотекой. Любовь к чтению закрепила «прилипчивая болезнь» – корь, для лечения которой Екатерина была отправлена в деревню. Там она запоем читала новейшую французскую литературу из библиотеки дяди-канцлера: П. Бейля, Ш. Монтескье, Вольтера, Н. Буало. Кроме того, Екатерина пользовалась расположением известного мецената И.И. Шувалова, который делился с ней книгами из собственной библиотеки и даже выписывал литературу из-за границы.

1758 год стал судьбоносным для Воронцовой – она познакомилась с великой княгиней Екатериной Алексеевной (будущей Екатериной II) и своим будущим мужем. Отчужденность от

семьи предопределила ее раннее даже по тем временам замужество. Сватовство тоже обросло легендами: как писал французский писатель К. Рюльер, долго живший при российском дворе, Екатерина Романовна сама сосватала себе мужа. Он рассказывал, что на одном из обычных приемов красавец-князь Михаил Иванович Дашков сделал ей комплимент, после чего она передала канцлеру, что князь Дашков якобы просит ее руки, и тот не смог ответить отказом. Эта история вряд ли произошла в действительности, но она великолепно характеризует Воронцову-Дашкову. Реальность куда более проста: Екатерина Романовна, не будучи определена ко двору, осталась летом в Петербурге, тогда как вся ее большая семья уехала в Царское Село. На одном из городских приемов она и познакомилась с будущим мужем, также коротавшим лето в городе. Партия была выгодна для обоих: через мужа Екатерина Романовна познакомилась с Н.И. Паниным – родственником Михаила Дашкова и воспитателем великого князя Павла Петровича.

В один из осенних вечеров того же 1758 года Дашкова была представлена великой княгине Екатерине Алексеевне. Екатерина Романовна была совершенно очарована будущей императрицей, увидев в ней черты, необходимые «идеальному государю Отечества». Между двумя Екатеринами началась дружба, в которой будущая императрица постоянно уверяла свою юную подругу.

Клан Воронцовых активно поддерживал претендента на престол, великого князя Петра Петровича (будущего Петра III), в том числе и благодаря дружбе, перешедшей в роман будущего императора с Елизаветой Воронцовой. Конечно, амбициозной великой княгине Екатерине Алексеевне нужен был «свой человек во вражеском стане». Юная, в чем-то наивная, но далеко не глупая Дашкова подходила для этого как нельзя лучше. В дальнейшем, намекая Дашковой на свои планы занять престол (но не посвящая в технические детали заговора), Екатерина Алексеевна добилась через нее поддержки многих аристократов, критически относящихся к политике последних лет императрицы Елизаветы.

Исследователи творчества Екатерины Дашковой порой упрекают ее в нескромности и преувеличении своей роли в перевороте в пользу Екатерины Алексеевны. Кроме того, они иронизируют по поводу переживаний Дашковой в решающий день переворота: она долго не могла «присоединиться к своей подруге», так как портной вовремя не принес заказанное мужское платье. Понятно, что техническую часть переворота выполняла не юная княгиня, которой на тот момент едва исполнилось 18 лет, – для этого у Екатерины Алексеевны были братья Орловы, поддерживаемые гвардией. Однако будущей императрице была необходима «компаньонка» для соблюдения действующих тогда правил приличия. Да и нейтрализация влиятельных родственников легла на плечи юной заговорщицы.

Переворот успешно завершен, и «компаньонка» превращается в навязчивую советницу. Да еще ее дружба с Н.И. Паниным, который считал, что Екатерина Алексеевна должна была объявить себя всего лишь регентшей при сыне Павле Петровиче. Во время коронации в Москве Дашковой отводят место по чину ее мужа – на галерке с женами полковников. В мемуарах Екатерина Романовна во всем винит Орловых, чье присутствие рядом с Екатериной II «разочаровало ее». Тем не менее Дашкова, как человек умный, безропотно удаляется от нового двора к своей семье.

Что она переживала в душе – можно лишь догадываться: «полуграмотный» Григорий Орлов, развалившись на кушетке в покоях императрицы, распечатывает письма и диктует ответы, а «лучшей подруге» даже не нашлось места рядом с Екатериной на коронации! Обвинения в заносчивости здесь вряд ли уместны, так как у Дашковой действительно были основания для обиды.

В 1762 году, незадолго до переворота и вступления на престол, тогда еще великая княгиня Екатерина Алексеевна писала Дашковой: «Будьте уверены, что с моей стороны Вы всегда встретите самую горячую взаимность. Для меня будет истинным праздником видеть Вас»;

накануне переворота «искренне» заверяла, что останется «на всю жизнь верным другом». Но уже через месяц после переворота тон императрицы Екатерины сменился. Так, в письме Станиславу Понятовскому, явно в расчете, что ее слова будут услышаны в Европе, она писала: «Княгиня Дашкова, младшая сестра Елизаветы Воронцовой, хотя и очень желала приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, не была в чести вследствие своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста и не внушала никому доверия... Правда, она очень умна, но с большим тщеславием соединяет взбалмошный характер». Подобная характеристика со стороны императрицы очень скоро стала преобладающей в оценке характера и действий Дашковой.

Екатерина Дашкова удалилась из столицы, желая обрести покой в семье. Однако семейное счастье было недолгим: в 1764 году умер ее муж, и вдове пришлось углубиться в решение хозяйственных вопросов, расплачиваясь с многочисленными долгами супруга. 1765–1767 годы она провела в Москве и своих имениях, поправляя финансовые дела; в 1768-м предприняла трехмесячную поездку по России; в 1769–1771 и 1776–1782 годах совершила два заграничных путешествия.

Первая заграничная поездка была необходима, чтобы поправить здоровье, прежде всего душевное, после смерти мужа и еще более – после разрыва с Екатериной II. Путешествие было по тем временам недолгим: Л.Я. Лозинская, одна из биографов Дашковой, предполагает, что Екатерина Романовна вернулась в Россию специально в преддверии совершеннолетия великого князя Павла Петровича. Декабрист М.А. Фонвизин в своих воспоминаниях писал: «Мой покойный отец рассказывал мне, что в 1773 или 1775 году, когда цесаревич достиг совершеннолетия и женился на дармштадтской принцессе, названной Натальей Алексеевной, граф Н.И. Панин, брат его, фельдмаршал П.И. Панин, княгиня Е.Р. Дашкова... вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо нее возвести совершеннолетнего ее сына». Впрочем, кроме этого единичного свидетельства, никаких иных указаний на участие Дашковой в заговоре против Екатерины II мы не находим.

Во второй заграничной поездке, уже не теша себя иллюзиями приобрести вес в России, Дашкова поставила перед собой вполне частную задачу – найти хорошее учебное заведение для своего сына Павла. Она считала, что уже устроила судьбу своей дочери Анастасии, выдав ее замуж за бригадира А.Е. Щербинина. Екатерина Романовна путешествовала по Германии, Англии, Голландии, Франции, Италии и Швейцарии, завела близкое знакомство с Д. Дидро, встречалась с Вольтером, Г. Рейналем и другими видными западноевропейскими мыслителями и государственными деятелями.

Большой интерес представляет длительное знакомство Дашковой с Эдинбургским университетом, который она выбрала для обучения сына. Она прожила в Шотландии с 1776 по 1779 год и была знакома с ректором и историком У. Робертсоном, профессором риторики Х. Блэром, профессором натуральной и моральной философии А. Фергюсоном, экономистом А. Смитом. Дашкова активно интересовалась устройством работы университета, методами обучения студентов; сегодня при Эдинбургском университете действует «Центр Е.Р. Дашковой».

Екатерину Романовну, хотя она путешествовала инкогнито, европейские дворы встречали с большим интересом. О ней были наслышаны благодаря многочисленным рассказам о ее участии в санкт-петербургском перевороте и дальнейшем таинственном исчезновении с политической сцены. При всех встречах и беседах, будь то с философами или монаршими особами, Дашкова на словах горячо поддерживала императрицу Екатерину и ее реформы. Трудно сказать, преследовала ли она какую-либо личную цель, но результат превзошел ее ожидания. По возвращении в Петербург Екатерина II «возобновила дружбу»: она пожаловала Дашковой 2500 душ крепостных и дом в столице ценой в 30 тысяч рублей. А 23 января 1783 года Дашкова была назначена директором Императорской академии наук и художеств, которую и возглавляла вплоть до ноября 1796 года.

Назначение Дашковой директором Академии – эффективный и продуманный шаг Екатерины II. Ум, способности, в том числе хозяйственные, Екатерины Романовны были использованы в государственной деятельности. В задачи Академии входило покровительство ученым, занимающимся собственно наукой, содержание открытых при ней университета и гимназии, издание научных трудов. От директора такого учреждения требовалось быть и педагогом, и ученым, и хозяйственником. Оценки работы Дашковой во главе Академии неоднозначны, но само наличие многочисленных отзывов говорит о том, что ее труды не прошли даром, были заметны и ощутимы как современниками, так и потомками.

После погашения долгов и стабилизации финансового состояния Академии Дашкова добилась строительства для нее нового специального здания: начатое в 1783-м, уже к 1787 году оно было в основном закончено. А еще ранее, в 1784-м, Екатерина Романовна основала фонд в 30 000 рублей, проценты от которого пошли на оплату труда русским профессорам, читавшим открытые лекции.

При Дашковой заметно оживилась научно-просветительская, учебная и издательская деятельность Академии. Особое внимание Екатерины Романовны привлекла педагогическая работа: еще заботясь об обучении сына в Шотландии, она глубоко задумывалась о преимуществах той или иной системы образования и воспитания. Дашкова пересмотрела учебные планы петербургских студентов и гимназистов, взяв за основу систему Эдинбургского университета, которую она хорошо изучила лично.

Директором был организован строгий порядок сдачи экзаменов: не реже, чем два раза в год – в апреле-мае и сентябре-октябре. Экзаменаторами обычно выступали академики П.Б. Иноходцев, И.И. Лепехин, Г. Крафт, П. Паллас, Н.И. Фусс, Ф.И. Шуберт. Целью экзамена было «аттестовать академических гимназистов и в конце месяца выдвинуть на звание студента тех из них, кто более достоин». Дашкова часто сама присутствовала на экзаменах. Так, после одного экзамена по математике она сделала вывод, что учебный план, по которому учат гимназистов, требует значительной корректировки.

Дашкова была убеждена, что одних сугубо теоретических знаний мало, их необходимо закрепить на практике. «Испытания нас более убеждают, нежели предписания и книги нас уверить удобны», – писала Дашкова в своем трактате «О смысле слова „воспитание“». В частности, студентам нужна была языковая практика, и Дашкова выписывала для этих целей из-за рубежа большое количество книг на иностранных языках. Можно сказать, что Дашкова-педагог совершенствовалась на протяжении всей своей жизни.

При новом директоре Академии активизировалось и издательское дело. По рекомендации Дашковой Екатерина II дала указание всем типографиям государства присылать по одному экземпляру каждого печатного издания в библиотеку Академии наук. Начиная с 1784 года, каждое лето проводили публичные лекции на русском языке; стали регулярно выходить «Труды» Академии. По инициативе Дашковой печатается полное собрание сочинений М.В. Ломоносова, переиздается «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова, «Аналитические труды» и «Интегративное исчисление» Л. Эйлера, продолжается публикация «Дневных записок» И.И. Лепехина. Важным достижением стал выпуск «Словаря Академии Российской», осуществленный в 1789–1794 годах: к работе над ним были привлечены Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, М.М. Щербатов, И.И. Лепехин, Н.Я. Озерецкий и др.

Весьма разнообразна и обширна была литературная деятельность Е.Р. Дашковой: она писала стихи на русском и французском языках, пьесы, публицистические статьи, многочисленные «академические речи» (в которых заметно влияние подобных выступлений Ломоносова), переводила сочинения западноевропейских просветителей. Наиболее ярко литературное дарование Дашковой проявилось в «Записках», которые и сделали ее известной как писательницу.

При Академии наук в 1783–1784 годах Дашкова учредила журнал «Собеседник любителей русского слова», который издавался «изданием Академии наук». Журнал открывался одой Г.Р. Державина «Фелица», публикация которой определила его основное направление – прославление монархии и самой Екатерины II. В «Собеседнике» были опубликованы статьи, содержащие острые сатирические выпады против двора, отдельных вельмож и неурядиц общественного быта. Но в журнале печатались произведения и таких писателей, как Д. Фонвизин, Я. Княжнин, Ф. Козельский, С. Бобров, осознававших недостатки екатерининского правления. Самым заметным общественно-политическим выступлением журнала явилась публикация «Вопросов» Д.И. Фонвизина и «Ответов» на них Екатерины II. Свидетельством того, что Дашкова отчасти разделяла точку зрения Фонвизина, стало ее «Послание к слову „Так“», посвященное теме всеобщего угодничества при дворе. В журнале Фонвизин напечатал «Опыт русского словника» – словаря синонимических выражений.

Сотрудничество Екатерины II с «Собеседником» не означало полного единодушия императрицы и издателя. В некоторых сочинениях Екатерины II в 1780-х годах проявилось ее недовольство Дашковой. Так, в «Собеседнике» была опубликована ее статья «Общества незнающих ежедневная записка» – пародия на заседания Российской академии, а в пьесе «За мухой с обухом» императрица вывела Дашкову под именем Постреловой, особы, безудержно хвастающейся своими заграничными вояжами.

Как директор Академии наук, Дашкова руководила изданием журнала «Новое ежемесячное сочинение» (1786–1796), куда привлекла бывших сотрудников «Собеседника». Основное место в журнале занимали обширные переводы из сочинений А. фон Галлера, Х.-Ф. Геллерта, Вольтера, Гельвеция и др. Наиболее значительными научными публикациями были статьи В.В. Крестинина по русской истории, А. Фомина по вопросам языкознания, материалы из архива Г.-Ф. Миллера по изучению экономики и географии Севера. Публикации самой Дашковой непосредственно связаны с событиями Французской революции.

В декабре 1792 года Е.Р. Дашкова участвовала в издании альманаха «Российский театр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений», который выходил в 1786–1794 годах под редакцией В.А. Ушакова. В альманахе были помещены тираноборческие трагедии «Сорена и Замир» Н.П. Николева, «Вадим Новгородский» Я.Б. Княжнина, сатирические комедии И.А. Крылова, А.И. Клушина и др.

По своему положению и занимаемым должностям Екатерина Романовна имела широкий круг литературных знакомств. Через А.Р. Воронцова она была знакома с А.Н. Радищевым и читала его «Житие Ф.В. Ушакова». Дашкова поддерживала Я.Б. Княжнина, Г.Р. Державина, хотя с последним у нее были довольно сложные отношения. Дашкова была автором нескольких драматических произведений: комедии «Тоисиоков, или Человек бесхарактерный» (1786) для Эрмитажного театра (прототипом главного героя послужил И.И. Шувалов), пьесы «Свадьба Фабиана, или Алчность к богатству наказанная» (1799), написанной в продолжение драмы А. Коцебу «Бедность и благородство души», либретто оперы «Земир и Азор» (1783). В 1788 году вышел ее роман «Новая Евфимия».

К 1794 году у Дашковой вновь обострились отношения с Екатериной II, и ей был предоставлен длительный отпуск. А пришедший к власти император Павел I вообще освободил Дашкову от всех должностей и велел ей жить вдали от Петербурга. Последние 15 лет жизни она провела в подмосковном имении Троицком и в новгородской деревне Кротово (Коротово). При Александре I опала закончилась, но Екатерина Романовна не стала возвращаться к публичной деятельности. В эти годы она занималась хозяйством, вела обширную переписку, интересовалась театром, литературой и политикой. Дашкова была принята в Вольное экономическое общество, Филадельфийское философское общество, стала членом Стокгольмской академии наук.

В 1801 году члены Российской академии письменно пригласили Е.Р. Дашкову вновь занять председательское место, но она, не желая возвращаться к активной деятельности, отказалась. Однако связи ее с литераторами не прерывались. Она участвует в журнале «Друг просвещения» (1804–1806), где публикует заметки просветительного характера: «Нечто из записной моей книжки», «О старинных пословицах», ведет полемику с журналом «Северный вестник» о преимуществах использования вольного труда в помещичьем хозяйстве.

В 1805–1806 годах в Троицком она написала свои «Записки». Их целью Дашкова считала «воссоздать откровенную историю моей жизни». Но это произведение далеко выходит за рамки автобиографии и содержит множество важных фактических данных и оценок: переворот 1762 года, характеристики Петра III, Екатерины II, Павла I, братьев Орловых, А.Р. Воронцова, Руссо, Дидро, Вольтера, Эйлера, Кауница и др. Впрочем, о ряде событий и фактов автор намеренно умалчивает. «Записки» крайне пристрастны: Дашкова явно завышает свою роль в ряде исторических событий.

Мемуары Дашковой были посвящены ее компаньонке, ирландке М. Вильмот (в замужестве Брэдфорд), с предоставлением ей права публикации «Записок» после смерти автора. Изданию «Записок» в Англии первоначально препятствовал С.Р. Воронцов; английский перевод появился лишь в 1840 году. На его основе А.И. Герцен опубликовал в «Полярной звезде» исторический очерк «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова» (1857, кн. 3). А в 1859 году Герцен напечатал в Лондоне «Записки» Дашковой в русском переводе Г.Е. Благосветлова. В России мемуары Дашковой на русском языке были изданы в отрывках в «Русской старине» в 1892 году, а их полное издание появилось только в 1907 году...

На формирование общественно-политических взглядов Дашковой значительное влияние оказали англофильская и либеральная традиции семьи Воронцовых, а также знакомство с графами-реформаторами Паниными. Идеалом государственного устройства для России Дашкова считала ограниченную правом монархию английского или шведского типа: «Англия мне более других государств понравилась», так как «правление их превосходит усиленные опыты других народов в подобных предприятиях, государь подчиняется законам и в некотором роде отвечает перед судом общественного мнения».

Несмотря на личную обиду к императрице, Дашкова публично всегда поддерживала курс Екатерины II не только в России, но, что еще важнее, и за границей. Размышляя о монархии, она писала: «Каждый благоразумный человек, знающий, что власть, отданная в руки толпы, слишком порывиста или слишком неповоротлива, беспорядочна вследствие разнообразия мнений и чувств, желает ограниченного монархического правления с уважаемым монархом, который был бы отцом для своих подданных и внушал страх злым людям».

Дашкова одной из первых осудила многие деяния Петра Великого. По ее мнению, тот менял законы так часто, что казалось, будто его единственная цель – «утверждение своего права обращаться с законами как ему заблагорассудится». Княгиня Дашкова называла Петра «блестящим деспотом» и «невежей», «пожертвовавшим полезными учреждениями, законами, правами и привилегиями своих подданных ради своего честолюбия, побудившего его все сломать и заменить новым, независимо от того, полезно оно или нет».

Дашкова всегда была поклонницей политических идей Ш. Монтескье, считая одинаково незаконными действия как деспота, так и «разбушевавшейся толпы». В событиях Французской революции она увидела лишь «озлобление, борьбу партий и цинизм», которые привели к крушению идеалов просветителей XVIII века. Поэтому революционные действия Дашкова полагала вредными для общества, а единственным средством, способным привести Россию к «всеобщему благоденствию», считала просвещение. По ее мнению, главной чертой «идеального монарха» должна быть полная и совершенная приверженность общественному благу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.